

Полина
Дашкова
— — —
Херувим

Полина Викторовна Дашкова

Херувим

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=118766
Херувим: АСТ, Астрель; Москва; 2015
ISBN 978-5-17-118496-4

Аннотация

Если двум разным людям суждено носить одно лицо, если сладкая жизнь отзывается болью прежних грехов, если на имя нерожденного откликается рожденный дважды, если одни жаждут мести, другие – справедливости, а третьи – истины, то нет конца загадочным преступлениям, и круговорот таинственных событий неумолимо ведет то ли к гибели, то ли к прозрению.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	19
Глава третья	40
Глава четвертая	54
Глава пятая	76
Глава шестая	93
Глава седьмая	116
Глава восьмая	135
Глава девятая	155
Глава десятая	170
Конец ознакомительного фрагмента.	173

Полина Дашкова

Херувим

© Дашкова П., 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Глава первая

Вспыхнул белый огонь, но звука не было. Снайпер навинтил глушитель и палил без передышки, наверное, устал, озверел или просто сошел с ума. Он палил в одну точку. Белые сполохи вытягивались в длинные дрожащие тире иплы медленно, слишком медленно для стрельбы, так бывает только во сне. Следовало проснуться сию минуту, снайпер хоть и сошел с ума, но находился где-то близко.

Сергей попытался продраться сквозь толщу сна, принялся считать огненные тире и, досчитав до семи, понял, что глаза его давно открыты, нет никаких выстрелов, никакого снайпера, есть просто ряд ледяных ровных огней, безопасных и бессмысленных.

Он не чувствовал ни рук, ни ног, у него как будто вообще больше не было тела. Наверное, оно осталось лежать у подножия лысой горы, на окраине села, и его до скелета обглодали одичавшие собаки, которые с начала войны срывались с цепей у брошенных и сожженных домов, сбивались в стаи, нападали на живых и мертвых.

Майор Логинов умер, других вариантов нет и быть не может. Он погиб, и его бессмертная душа движется теперь по узкому длинному туннелю, летит, как пуля внутри ружейного ствола, но только в тысячу раз медленней. Благодать, когда нет никакого тела, ничего не болит, не жжет, не ноет, не

чешется. Вот оно, оказывается, как хорошо, тихо и совсем не страшно.

Тишина между тем трескалась на куски, и Сергей стал различать мерный резиновый шорох. Звук этот был связан с движением по туннелю, потом к нему прибавилось далекое невнятное бормотание. Звуки проступали, словно рисунок на переводной картинке. Над головой проплыло еще два длинных ярких тире, и Сергей услышал сладкие ангельские голоса, мужской и женский.

– Держи его пока на глюкозе, следи за давлением и за сердцем, – произнес бодрый баритон с легким кавказским акцентом, – через пару часов отойдет наркоз, дай обезболивающее. Все, Катюша, я пошел обедать. Вечером зайду к нему.

– Я поняла, Гамлет Рубенович, – отозвалось звонкое деловитое сопрано.

– «Поняла-поняла», – проворчал баритон, удаляясь, – смотри, чтобы ему швы как следует обрабатывали и чтобы пролежней не было. Я не каждый день совершаю такие чудеса. Интракортикальная трансплантация – это тебе не вывих вправить.

– Не волнуйтесь, Гамлет Рубенович, все будет нормально! Длинные лампы продолжали медленно плыть над головой. Потом появилось юное круглое лицо с голубыми глазами, желтой челкой и мелкими веснушками.

– Привет, – сказала девушка и улыбнулась, – как чувствуем себя?

– Ноги... – выдохнул он.

– Не выдумывай, тебе еще не больно. – Девушка покачала головой и сделала строгое лицо.

– Нет, – согласился он, – не больно.

– Тогда в чем дело?

– Они есть?

– А как же! – Опять улыбка, во весь рот, мелкие ярко-белые зубки. – Интракортикальная трансплантация, по методике доктора Аванесова.

Звучало неясно, но красиво и убедительно.

До него вдруг дошло, что он и правда жив. Он глубоко, жадно втянул ноздрями воздух. Пахло марганцовкой и туалетным мылом. Все было странно и ново, даже собственное дыхание. Тело обретало вес, набухало тяжестью, и где-то в самой глубине, в костном мозге, пробуждалась боль, весело потрескивала, пускала острые искры, играла, дразнила, прикидывалась несерьезной, слабенькой и вполне терпимой.

Он знал наизусть все ее фокусы. Боль жила в ногах, доползала до середины туловища и слабела. Дальше начиналась для нее чужая территория. Дальше все в нем было цело.

Каталка остановилась. Белый коридор кончился ярко освещенным тупиком. Глаза устали от света, веки отяжелели, потолок качнулся и поплыл вверх. Сергей услышал новые голоса, уже издали, хотя понимал, что говорят совсем близко, и чувствовал, как его переключивают с каталки на койку. Он попытался шевельнуться, поднять руку, но тело

все еще не слушалось.

– Да не дергайся ты, мне надо капельницу поставить, – произнес знакомый женский голос у самого уха, – ты в госпитале, в реанимации.

– Что со мной было?

– Что было, то прошло. Теперь все нормально.

– Расскажи, – попросил он, едва ворочая языком, – как я сюда попал? Что за госпиталь?

– Ну ладно. – Она присела на стул рядом с койкой. – Разговаривать тебе пока нельзя, но слушать можно. Я буду говорить, а ты постарайся заснуть. Хорошо?

Он прикрыл глаза, соглашаясь.

– Ты был в коме, перенес тяжелую операцию. Самое страшное позади. Ты должен радоваться, как младенец. Тебя собрали по частям, тебя, можно сказать, со стенок соскребли. О том, что удастся сохранить тебе ноги, речи вообще сначала не шло. Некоторые сомневались, сумеешь ли ты выйти из комы. Кстати, ты очень странно в нее ушел. Тебя уже готовили к ампутации, а ты шлеп – и отключился, гуд бай, ребята. Конечно, в таком состоянии нельзя было оперировать. Устроили консилиум. И тут явился его величество доктор Аванесов. Он явился из отпуска, веселый, загорелый, осмотрел тебя и говорит: зачем резать? Новые ведь не вырастут. Знаешь, каким образом ты выразил свое согласие с Гамлетом Рубеновичем? Ты вышел из комы.

Она говорила все тише, все мягче. Речь ее опять стала по-

хожа на ангельскую песню. Он знал, что жив и ноги ему не отрезали. Остальное пока не важно. Впервые за многие месяцы майор Логинов заснул спокойно.

* * *

Дождливой мартовской ночью на балкон четвертого этажа высокого кирпичного дома на окраине Москвы вышел совершенно голый молодой человек, закурил и оглядел пустой двор, щедро освещенный фонарями. Среди множества автомобилей, спавших во дворе, сверкал, как драгоценность, его серебристый новенький «Фольксваген»-«капля». Автомобиль был куплен всего неделю назад, и детская радость обладания новой игрушкой еще не остыла.

Станиславу Владимировичу Герасимову исполнилось тридцать шесть, но выглядел он лет на десять моложе, а чувствовал себя совершенным мальчишкой. Привычка выбегать ночью на балкон осталась у него с детства. Ему нравилось, проснувшись среди ночи, выскользнуть из-под одеяла, чуть-чуть померзнуть, полюбоваться таинственным ночным пейзажем, вообразить себя на несколько секунд уличным бродягой, круглым сиротой, тут же вспомнить, что все это неправда, и быстренько нырнуть назад, в теплую постель. Потом засыпалось особенно сладко.

Этой ночью, в половине третьего, его разбудил нехороший сон. Ему приснилось, что у него выпадают зубы, один за дру-

гим, прямо с корнями, без крови и боли. Он совершенно отчетливо видел, как сплевывает их на ладонь и остаются голые вспухшие десны с нежными лунками. Он проснулся весь потный, минут пять лежал, глядя в потолок, ощупывая языком свои ровные крепкие зубы, и постепенно приходил в себя. Чтобы окончательно успокоиться, он отправился на балкон, прямо так, голышом, поскольку плохо ориентировался в чужой квартире и не мог сразу найти ни халата, ни даже собственных трусов.

Суеверным Стас Герасимов не был и не мучился вопросом, что может значить столь отвратительное сновидение. Ледяной мокрый воздух приятно освежил его, на подоконнике он нашел сигареты, закурил и, перегнувшись через перила, залюбовался своим новеньким автомобилем.

– Классная у меня тачка, – пробормотал он, поеживаясь и ясно, по-детски улыбаясь, – какой идиот сказал, что это женская машина? У моей божьей коровки мощь хорошего «Мерседеса», и все дороги для нее как будто бархатом выстланы. Лапушка, солнышко! – Он послал машине воздушный поцелуй, зевнул, загасил сигарету, хотел уже вернуться в комнату, поскольку замерз, но тут услышал легкие торопливые шаги и приглушенные голоса. Он не мог разобрать слов сквозь шорох дождя. Через минуту в круг фонарного света вошли двое мужчин. Стас разглядел темные трикотажные шапочки, надвинутые низко, до глаз, спортивные шаровары с лампасами, спортивные капроновые куртки. На плече у одного из

них болталась небольшая сумка. Они остановились не где-нибудь, а непосредственно у «Фольксвагена»-«капли», приехали на корточки, заглянули под днище машины.

Угнать этот автомобиль было практически невозможно. Руль запирался противоугонным замком-топориком новейшей системы, сигнализация стояла отличная. К тому же машина была слишком заметной. Таких «капель», да еще серебряных, в Москве пока совсем мало.

«Ну-ну, придурки, валяйте, попробуйте! – злорадно подумал Стас. – Сейчас сработает сигнализация, и вас отсюда сдует...»

Конечно, следовало сразу позвонить в милицию, но азартное детское любопытство приковало его к перилам. Ему было интересно, как они станут взламывать его неприступную машину. Он наблюдал за ними затаив дыхание, и через несколько секунд ему стало жарко. Он понял, что эти двое вовсе и не собирались угонять машину. Один улегся на мокрый асфальт и заполз под днище. Другой сидел рядом на корточках.

Жар сменился ознобом. Стаса затрясло. Он перевесился через перила и открыл рот, чтобы крикнуть: «Эй! Алло, мужики, что за дела?!» Но тут сидевший на корточках поднялся, задрал голову, и Стас отпрянул в глубь балкона, не издав ни звука. Когда он опять взглянул вниз, во дворе уже никого не было. Серебряная «капля» стояла себе тихо, словно ничего не произошло. Накрапывал дождик, мирно, уютно мер-

цал фонарный свет.

«А может, мне приснились эти двое? – подумал Стас. – Может, я сомнамбула? Или лунатик? Впрочем, никакой луны сейчас нет».

Он вернулся в комнату и позвонил в милицию.

Наряд явился через десять минут, а еще через двадцать подъехала бригада специалистов из ФСБ, которые тут же обнаружили довольно мощное взрывное устройство, прикрепленное к днищу машины.

– Ну что ж, Станислав Владимирович, я вас поздравляю, – сказал молодой улыбчивый следователь ФСБ, – там мощность порядка трехсот грамм тротила.

– Спасибо на добром слове, – усмехнулся Стас.

– Как же вы так плохо разглядели преступников? Вроде бы четвертый этаж, и двор освещен достаточно ярко.

– Я был голый. – Стас нервно рассмеялся.

– Голый? На балконе? Так ведь холодно. Вы морж? – Следователь тоже рассмеялся, но в отличие от Стаса радостно и заразительно. – Слушайте, но я не понял, при чем здесь зрение? Вы что, голый хуже видите?

– Нет, я не морж. – Лицо Стаса стало серьезным. – Я когда мерзну, у меня глаза слезятся. И вообще у меня отвратительная память на лица.

– Жаль, – следователь покачал головой и поцокал языком, – мы бы сейчас по горячим следам составили бы фотороботы. Что, совсем не разглядели их лиц?

– Совсем, – эхом отозвался Стас, – какие-то смутные пятна. Шапки трикотажные.

– Ну, может, что-то броское? Борода, усы?

– Нет. У того, который не влезал под машину, точно не было бороды и усов. А о втором я вообще ничего сказать не могу. Видел только штаны с лампасами и светлые кроссовки. А может, и не кроссовки.

– Штаны это уже хорошо, – кивнул следователь. – Они хотя бы славяне или кавказцы?

– Кавказцы. – Стас неуверенно пожал плечами. – Судя по штанам. Хотя кто их знает? Наши братки-шестерки тоже обожают шаровары с лампасами. Особенно провинциальные братки. Гастролеры.

– Да. Гастролеры. Одноразовые исполнители, – следователь растянул губы в благостной улыбке, – таких если находят, то мертвыми. Однако в вашем случае шансы увеличиваются, поскольку покушение оказалось неудачным. Чтобы получить свои деньги, ребятки постараются довести дело до конца. Правда, я не исключаю, что их могут заменить другими, более толковыми. В общем, это только начало. Какие-нибудь предположения есть у вас?

Стас Герасимов вскинул на весельчака мутные злые глаза и молча помотал головой.

– А если подумать? – Следователь отхлебнул крепкий кофе, предложенный любезной хозяйкой квартиры, встал и заходил по просторной уютной кухне. – Давайте начнем с глав-

ного. Кому было известно, что вы собираетесь ночевать по этому адресу? – Он перевел взгляд с Герасимова на хозяйку, маленькую белокурую женщину лет тридцати с кукольным личиком и грудью невероятных размеров. Она стояла у окна и курила, часто моргая, то ли от дыма, то ли от нервов.

Следователю уже было известно, что Качерян Галина Николаевна семидесятого года рождения замужем, прописана здесь вместе с мужем и ребенком восьми лет. Муж в командировке, ребенок у бабушки.

– Никто знать не мог! – Голос у нее был необыкновенно высокий, резкий. Говорила она с пулеметной скоростью и, единожды начав, не умела остановиться. – Я хочу сказать, совершенно никто, ни единая душа, потому что мы сами понятия не имели, что он останется, но так получилось, просто он заехал ко мне вечером навестить, дело в том, что я болею, у меня простуда, горло болит, я поэтому сына отправила к маме, мало ли, вдруг инфекция? Температуры пока нет, но обязательно поднимется, я хочу сказать, меня продуло на работе, там у нас постоянно окна открыты, все курят, приходится проветривать, я сама тоже курю, но невозможно без конца открывать окна, особенно при такой сырости, ведь получается сквозняк, вот меня просквозило, заболело горло, а Стасик привез мне лекарства, просто, по-дружески, понимаете? Фурацилин, шалфей, чтобы я полоскала горло, вот, смотрите! – Она поспешно шагнула к буфету, встала на цыпочки, достала с полки зеленый фирменный пакет «Сеть

аптек 36,6». Судя по тому, что он был не распакован, горло простуженная хозяйка так и не прополоскала.

– Погодите, – поморщился следователь, отстраняя пакет, – давно вы знакомы?

– Давно, очень давно, с самого детства. Моя бабушка была его няней, у него родители очень хорошие люди, Владимир Марленович в органах служил, сейчас на пенсии, генерал. Наталья Марковна добрейшая женщина. Вы не представляете, какая это семья. У нас со Стасиком с самого детства теплые родственные отношения. Пожалуйста, не надо сообщать моему мужу! То есть я хочу сказать, если он узнает, что Стасик просто заехал ко мне, в этом совершенно ничего страшного нет, потому что со Стасиком они в принципе знакомы. Стасик взял моего Рубена на работу к себе на фирму, Рубен художник, а фирма Стаса занимается рекламным дизайном... Пожалуйста, очень вас прошу, у меня ребенок, вы не могли бы как-нибудь замять?

– Что? – опомнился следователь, загипнотизированный звонким потоком ее речи. – Замять покушение на убийство?

– Нет! – испугалась Галочка. – Нет, конечно, не покушение, но хотя бы время. Вы можете сказать моему мужу, будто все произошло не в три часа ночи, а, например, в десять вечера?

– Галочка, будь добра, успокойся, – простонал Герасимов. Но успокоиться она уже не могла, до нее дошло наконец, что случилось и чем это угрожает ей лично. Следователь по-

жалел ее от души, но помочь не мог при всем желании. Как только появится ее армянский Отелло, придется его очень подробно допросить.

– Рубенчик убьет меня, если узнает! Я как чувствовала, говорила тебе: уезжай, а ты... Товарищ... господин следователь, я хочу сказать, вы даже не представляете, какой у меня ревнивый муж! Вот если кто-нибудь на меня посмотрит, ну просто как на интересную женщину, мой Рубен аж вспыхивает весь, я хочу сказать...

– Зачем было так рисковать, если муж ревнивый? – светло улыбнулся следователь и обратился к Герасимову: – Кстати, а в котором часу вы на самом деле приехали?

– Около двенадцати, – буркнул тот и вытянул сигарету из пачки.

– Предварительно созванивались? – Следователь вежливо щелкнул зажигалкой, давая ему прикурить.

– Да, я звонил ей, но этого никто не мог слышать. Я звонил по мобильному из машины около семи.

– Значит, кто-то за вами следил, – удовлетворенно кивнул следователь, – вас кто-то заказал. Нет у вас никаких предположений на этот счет? Кому вы мешали жить? – Он опять одарил Стаса своей лучезарной улыбкой.

Красивое правильное лицо Стаса Герасимова застыло. Из открытого рта валил дым, светло-серые прозрачные глаза уперлись следователю в лоб так, словно там было написано имя заказчика. На самом деле Стас не видел перед собой в

этот момент совершенно ничего.

– Да что вы такое говорите! – Галочка испуганно всплеснула руками. – Зачем пугаете человека? У Стасика просто не может быть врагов, он такой добрый, обаятельный, его все любят, я хочу сказать, может, произошла ошибка, они его с кем-нибудь перепутали?

Ни следователь, ни Стас никак не отреагировали на это ее предположение. Она замолчала, переводя испуганные голубые глаза с одного на другого, и поспешно подвинула пепельницу Стасу, заметив, что столбик пепла грозит сорваться на кружевную клеенку. Наконец опомнившись, Стас резко поднялся и произнес механическим голосом:

– Извините, мне пора домой. Если возникнут вопросы, у вас есть все мои телефоны, домашний, мобильный и служебный. Всего доброго. – Он направился в прихожую, на ходу заправляя мятую рубашку в брюки.

– Погодите, Станислав Владимирович, мы только начали разговор, – громко и удивленно произнес следователь, – пожалуйста, постарайтесь вспомнить, были какие-нибудь угрозы? Может, у вас произошел конфликт с кем-то? Поймите, это важно!

– Я плохо себя чувствую, – ответил Стас и, не оборачиваясь, поднял руки, как будто сдавался, – голова болит, понимаете ли, мне надо побыть одному.

– Инфекция! – воскликнула Галочка. – Надо температуру померить, у меня тоже все началось с головной боли, а потом

уж горло... Стасик, миленький, подожди!

Но он уже сунул ноги в ботинки, руки в рукава кожаной куртки и через секунду несильно хлопнул входной дверь. Щелкнул английский замок. Следователь уткнулся в протокол и поспешно, нервно писал. В кухне минуты три стояла глубокая тишина, было слышно, как шлепаются капли в раковину. Галочка подошла и принялась закручивать кран, краснея от усилий. Но вода продолжала капать.

– Надо вызвать сантехника, иначе будет потоп рано или поздно. Сток забьется и будет потоп. – Она упала на табуретку напротив следователя, достала сигарету, и когда он, оторвавшись от протокола, щелкнул для нее зажигалкой, она поймала его взгляд и прошептала странно тихо: – Сделайте что-нибудь, приставьте к нему охрану, найдите заказчика. Если его убьют, я умру.

Глава вторая

Будильник щebetал, словно живая птичка, которой прищемили хвост. Юлия Николаевна Тихорецкая, не открывая глаз, принялась шарить по тумбочке, чтобы заткнуть несчастного пискунa, и нечаянно сшибла его на пол. Он жалобно звякнул и затих.

Юлия Николаевна перевернулась на другой бок, укрылась с головой одеялом и решила, что можно еще минут десять просто поваляться в постели, не спать, а так, подремать с открытыми глазами, но провалилась в сон и вскочила только в восемь, когда во дворе под окнами загремел мусоровоз.

В соседней комнате спала ее четырнадцатилетняя дочь Шура. Юлия Николаевна кинулась ее будить, и обе заметались по квартире в дикой спешке, рвякая друг на друга. У Шуры первым уроком была алгебра, самый нелюбимый предмет, и отношения с учительницей математики по прозвищу Гюрза оставляли желать лучшего.

– Вот увидишь, она потащит меня к директору, если я опоздаю, – хныкала Шура, прыгая на одной ноге и никак не попадая в штанину.

– Ты не опоздаешь, – Юлия Николаевна помогла ей натянуть джинсы, – сейчас только десять минут девятого.

– А если мы застрянем в пробке? И вообще, мамочка, я не пожарник, мне надо спокойно позавтракать, причесаться,

привести себя в порядок. Смотри, какая я страшная, отечная. Можно я сегодня прогуляю? У меня послезавтра контрошка по физике, я буду целый день сидеть, готовиться, ну пожалуйста, мамочка, я в кухонных шкафах наконец разберусь, приведу в порядок дом, а то мы с тобой грязью заросли.

Юлия Николаевна кинула Шуре в рюкзачок банан и яблоко, надела пальто и сняла с вешалки Шурину куртку.

– Все. Хватит ныть. Поехали.

– Мамочка, ну ты что? Гюрза меня обязательно вызовет, и будет пара. – Шура шмыгнула носом и заплакала так выразительно, что сердце Юлии Николаевны сжалось, однако она решительно потащила дочь за руку к машине, подвезла к школе за три минуты до звонка, зареванную, надутую, и даже не поцеловала на прощание, рванула по переулку на недозволенной скорости, поскольку спешила на работу.

Юлия Николаевна работала хирургом-косметологом в крупной частной клинике эстетической хирургии.

Езды до клиники оставалось минут семь, не больше, но по закону подлости на проспекте Мира она застряла в пробке, занервничала и тут же принялась пилить себя за то, что не разрешила Шуре остаться дома. После такого сумасшедшего утра, да еще на голодный желудок Шура не сумеет сосредоточиться на первом уроке, и если Гюрза ее вызовет к доске, то будет пара в журнале. Юлия Николаевна никогда в жизни не ругала своего ребенка за двойки, но Шура сама расстроивалась до слез.

Пробка рассосалась довольно скоро. Юлия Николаевна не опоздала, но пришлось расстаться с надеждой на чашку кофе, бутерброд и сигарету до начала приема.

«Конечно, Гюрза ее вызовет! – с раздражением думала Юлия Николаевна, паркуя свою вишневую «Шкоду» на стоянке перед клиникой. – Сегодня все будет происходить по закону подлости. После такого нервного дурацкого утра ничего хорошего случиться не может. Вот, пожалуйста, уже началось!»

«Шкода» поцеловала бампер новенького белоснежного «Форда», который принадлежал главному врачу клиники Петру Аркадьевичу Мамонову. Юлия Николаевна вышла из машины, убедилась, что никто не пострадал, однако представила, сколько желчи выльется на нее вечером, когда Петр Аркадьевич увидит интимную близость двух бамперов. Но никакой другой дырки для парковки не было, да и времени совсем не осталось. Юлия Николаевна махнула рукой и побежала к подъезду.

На просторном крыльце перед стеклянными дверьми ей преградила дорогу высокая, прямая дама лет сорока в распахнутом бежевом пальто, с безупречной прической и макияжем.

– Простите, вы доктор Тихорецкая?

– Да, я вас слушаю.

– Здравствуйте, Юлия Николаевна, – лицо дамы расплылось в голливудской улыбке, – очень приятно познакомиться-

ся. Меня зовут Нина Федоровна. Это моя дочь, Светлана. Мы от Валерии Евгеньевны.

Дочке было не больше восемнадцати. Она сильно сутулилась и потому казалась ниже мамы на голову, хотя была одного с ней роста. Пепельные прямые волосы прядями свисали на лицо. Ветхие голубые джинсы мешком висели на ее худосочной фигуре, черная мужская куртка из плащовки, явно на пару размеров больше, болталась на ней.

– Простите. – Юля мягко отстранила даму, стеклянные двери разъехались. Кивнув охранникам, она побежала через фойе к лестнице, но бежевая дама вновь возникла у нее на пути.

– Валерия Евгеньевна удивительно точно вас описала. Она сказала, что вы высокая интересная шатенка с короткой стрижкой. Я узнала вас сразу, как только вы вышли из машины.

Юля могла поклясться, что не знает никакой Валерии Евгеньевны. Но бежевая дама, словно прочитав ее мысли, тут же сообщила:

– Валерия Евгеньевна год назад делала у вас подтяжку лица, получилось необыкновенно удачно. Я раньше не верила, что в нашей стране, при нашей отвратительной медицине, такое возможно, пока не убедилась собственными глазами. Валерия Евгеньевна помолодела лет на двадцать, и никаких рубцов, отеков, а главное, никаких отрицательных эмоций от самой операции.

– Я очень рада. – Юля прибавила скорость, понеслась по лестнице, перепрыгивая через три ступеньки. Ей все-таки обязательно надо было перед началом приема глотнуть кофе и что-нибудь съесть, иначе через полчаса начнет урчать в животе так громко, что это будет слышно посетителям.

– Вы меня ради бога извините, Юлия Николаевна. – Дама обогнала ее и прошептала с легкой одышкой: – Не могли бы вы уделить нам несколько минут?

– Я бы с удовольствием, но у меня прием, я очень спешу. У вас что-то срочное?

– А мы как раз к вам на прием! – радостно сообщила дама.

– Ну тогда подождали бы в холле у кабинета. Там удобней, чем на улице.

– Видите ли, хотелось бы сначала поговорить с вами в неофициальной обстановке, у нас особый случай, Валерия Евгеньевна очень вас рекомендовала, она сказала, вы не только великолепный врач, но и тонкий, тактичный человек, что в наше время встречается редко.

Они успели подняться на третий этаж и добежать до кабинета.

– Подождите, пожалуйста, здесь. – Юля кивнула на ряд мягких кожаных кресел в холле. Там уже сидели четыре женщины разного возраста и полный молодой человек в черном костюме.

Юля скрылась за дверью, и до нее донесся резкий голос бежевой дамы:

– В двадцать седьмой мы первые, мы записаны на девять.

В кабинете пахло кофе. На столе стояла дымящаяся чашка, рядом на тарелке лежал бутерброд с сыром. Молоденькая медсестра Вика красила ресницы перед зеркалом. Осталось всего пять минут. Главный врач Петр Аркадьевич был фанатиком точности. Он строго следил, чтобы прием начинался минута в минуту. Ровно в девять над дверьми всех кабинетов автоматически вспыхивали таблички «Входите, пожалуйста!». Юля едва успела надеть халат, запихнуть в рот бутерброд, залпом выпить кофе.

Мама с дочкой вошли без стука. Перед Юлей лежала карточка, на которой было написано: «Василькова Светлана Игоревна, 1983 года рождения».

– Ну что, Светлана Игоревна, какие проблемы? – Юля ласково улыбнулась девочке. Та сидела на краешке стула, низко опустив голову и занавесившись волосами.

– Она считает, что у нее большой нос, – решительно заявила Василькова-старшая и откинула волосы с лица дочери, – еще ей кажется, что у нее слишком широкие скулы, маленькие глаза, рот неправильной формы.

Василькова-младшая тряхнула головой и опять спрятала лицо. Юля никак не могла ее толком разглядеть.

– И еще ей кажется, будто она толстая. Голодает неделями, а если что-нибудь съест, то потом два пальца в рот и все назад, даже самые вкусные и дорогие деликатесы.

– Сколько вы весите? – спросила Юлия Николаевна у де-

вочки.

– Пятьдесят три килограмма, при росте сто семьдесят пять, – ответила за нее мать.

– Милая, да у вас дистрофия, – подала голос медсестра Вика.

– Норма для моделей не больше пятидесяти, при росте сто восемьдесят, – проворчала девочка, ни на кого не глядя.

– Бред, – покачала головой Юлия Николаевна, – вредный, опасный бред. При такой худобе нарушается обмен веществ, прекращаются месячные, выпадают волосы и зубы, могут начаться язва желудка и фурункулез.

– Где это вы видели беззубую, лысую и прыщавую модель? – подхватила Вика.

– Вот, ты поняла? Мне не веришь, так послушай медиков, профессионалов! – воскликнула мать. – Ее качает от ветра, а она требует, чтобы ей хирургическим способом убрали лишний жир.

– Так, ну ладно. Посмотрим, что там у нас с носом. – Юля встала и подошла к девочке. – Будьте добры, повернитесь к свету и голову повыше, пожалуйста.

Юля увидела наконец лицо этой несчастной. Как она и предполагала, лицо оказалось гармоничным и прелестным. Если бы не болезненная худоба, сутулость и затравленное выражение глаз, девочка была бы настоящей красавицей.

– Ну и что вы хотите изменить?

– Все, – еле слышно прошептала Света Василькова и су-

дорожно сглотнула.

– Почему, можете объяснить?

– Потому что я урод.

– Вам кто-то сказал об этом или вы сами так решили?

– Ничего не надо говорить и решать. Все видно, – про-
бормотала девочка и сгорбилась еще сильнее. Голова совсем
ушла в плечи.

– Встаньте, пожалуйста. – Юля подвела ее к зеркалу, убра-
ла ей волосы с лица и легонько стукнула по спине ладонью. –
Прямей, прямей держитесь. Голову выше. Вы знаете, что у
вас идеальные черты лица? Когда ко мне приходят менять
форму носа, в девяти случаях из десяти хотят именно такую,
как у вас. И все остальное тоже. Вы очень красивая девуш-
ка, у вас нет никаких причин... – Юлия Николаевна запну-
лась, потому что вдруг увидела в зеркале лицо Светы. Оно
действительно казалось жалким и уродливым, несмотря на
правильность черт. Зеркало было нормальным, не кривым,
но девочка глядела на себя с такой тоской и ненавистью, что
отражение чудовищно искажалось.

– Ладно, – тяжело вздохнула Юля, – подождите, please,
в коридоре. Мне нужно поговорить с вашей мамой.

Когда дверь за девочкой закрылась, мать подлетела к Юле
и, схватив за руку, зашептала в лицо, обдавая запахом доро-
гих духов:

– Это совершенно бесполезно, доктор. Говорить можно
что угодно. Она не слышит. Надо что-то делать, но я не знаю

что. Я страшно устала. Светочка у меня единственный ребенок.

– Да вам к психиатру надо, – флегматично заметила медсестра.

– Были, – всхлипнула дама, – у психиатров, у психологов, у двух экстрасенсов. К гипнотизеру ходили и даже к колдунье. Ничего не помогает. Умоляю вас, положите ее на операцию, измените в ее внешности что угодно, нос, глаза, губы, срежьте там что-нибудь на талии, на бедрах, лишь бы она успокоилась и стала нормально питаться. Я готова заплатить любые деньги.

– Вы знаете ее подруг? – мрачно поинтересовалась Юля.

– А при чем здесь подруги? – Дама громко высморкалась.

– У девочек такие проблемы чаще всего возникают из-за подруг, которые умеют и любят говорить всякие гадости про большой нос, маленькие глаза, лишний вес. Ваша Света, вероятно, человек внушаемый.

– Ой, не знаю, не знаю, – помотала головой Василькова, – надо что-то делать, это же кошмар какой-то!

– А может, у нее несчастная любовь? – предположила медсестра.

– Нет никакой любви! Она от молодых людей шарахается как от чумы. Если кто-то проявляет внимание, ей кажется, будто это розыгрыш, издевательство. Юлия Николаевна, миленькая, очень вас прошу, сделайте ей операцию.

– Вашей дочери операция не нужна, – Юля чувствовала,

что теряет терпение, – не знаю, с какими специалистами вы консультировались и что они вам сказали, но вашей девочке необходима психологическая, а возможно, и психиатрическая помощь.

– Моя дочь не сумасшедшая! – крикнула Василькова. – Вы хотите, чтобы ее на всю жизнь заклеямили чудовищным диагнозом? Вы хотите, чтобы ее закололи всякой психотропной гадостью, которая хуже наркотиков?! – Она опять подскочила к столу, оперлась на него руками и нависла над Юлей: – Вам что, деньги не нужны? Я оплачу операцию, и вы обязаны ее сделать!

Дверь распахнулась, на пороге стояла Света.

– Мама, прекрати! – крикнула она высоким, срывающимся голосом. – Доктор, простите ее, мы сейчас уйдем. – Она подбежала к столу и, схватив мать за локоть, потащила прочь. Та продолжала кричать, но из кабинета все-таки вышла, шарахнув дверью.

– Сумасшедший дом, – покачала головой медсестра.

Юля молча кивнула. Ей хотелось покурить и посидеть в тишине минут пять, но дверь открылась. Высокий полный молодой человек в черном костюме вошел и застыл на пороге.

– Присаживайтесь. Я вас слушаю. – Юлия Николаевна скользнула взглядом по его округлому чистому лицу и решила, что скорее всего он хочет изменить форму носа. Нос был длинный, острый, хищный и здорово портил вполне прият-

ную внешность своего хозяина.

Тревожно оглядевшись, молодой человек присел на краешек стула, низко опустил голову и принялся теребить пуговицу на пиджаке.

– Я вас слушаю, – повторила Юля.

– Вы сначала посмотрите, доктор, – произнес он хриплым шепотом, не поднимая головы.

– Хорошо, – кивнула Юля, – давайте посмотрю. Только скажите, что именно?

Молодой человек вскочил, быстро подошел к двери, открыл ее, выглянул в коридор и тут же захлопнул.

– Сюда никто не войдет?

– Нет. Не волнуйтесь, – успокоила его медсестра.

Молодой человек шагнул к столу, снял пиджак и, задрвав рубашку, повернулся к Юле спиной.

«Он хочет убрать жировые отложения», – догадалась Юля, однако вслух ничего не сказала, потому что пациент сам должен сформулировать свою проблему.

– Ну? – спросил молодой человек, не поворачиваясь. – Вы видите этот ужас?

– Пока я никакого ужаса не вижу. Будьте добры, объясните, что вас беспокоит.

– Волосы! – жалобно, тонко выкрикнул он. – Посмотрите внимательно. У вас есть лупа?

Спина его действительно была покрыта довольно густой рыжей растительностью.

– Лупа ни к чему. Оденьтесь, пожалуйста, – строго сказала Юля, – волосы на теле у мужчины – это нормально, в этом ничего ужасного нет. Но если вас беспокоит растительность на спине, вам нужно спуститься на второй этаж, там принимают косметологи, они вам предложат несколько способов избавления от нежелательных волос. А я хирург и занимаюсь совсем другими вещами.

– Я знаю все эти способы. Но у меня особый случай. Мне нужен именно хирург.

– Хорошо, чего же вы хотите от хирурга?

– Возьмите лупу, доктор, – повторил он, не шевельнувшись, – вы посмотрите и сами все поймете.

– Викуша, дай, пожалуйста, лупу. – Юля принялась добросовестно разглядывать рыжие заросли на спине пациента. Мало ли, вдруг у него там какая-нибудь зудящая сыпь, которая не дает покоя и сводит с ума?

– Ну теперь вы поняли? – спросил молодой человек.

– Честно говоря, не совсем. – Юля отложила лупу. Никакой сыпи не было.

– Неужели вы не видите, как они шевелятся? – прошептал он, опуская рубашку и поворачиваясь к Юле лицом. – О, я вполне допускаю, что они могли затаиться. Знаете, они это умеют. Притворяются тихими, безобидными, но стоит расслабиться, и они начинают свою работу. Их тысячи, десятки тысяч, и каждый из них представляет собой высокочувствительную антенну. Через них идут сигналы с секретной базы

ЦРУ. На мой организм оказывается воздействие. Теперь вы поняли, что их необходимо удалить совсем, под корень?

– Да, я понимаю, – смиренно кивнула Юля, – но косметологи вполне могут справиться с этой задачей. Существует электроэпиляция, при которой уничтожается луковица, есть новые лазерные методы.

– Мне необходима пересадка кожи! – взвизгнул молодой человек и легко, как мячик, подпрыгнул на волне собственного визга. – Не поможет ни лазер, ни электричество. Только пересадка кожи.

– Не получится, – Юля невозмутимо покачала головой, – слишком большая площадь. Для того чтобы пересадить, надо взять лоскут кожи с другой части тела.

– Не надо никакой кожи, – молодой человек радостно улыбнулся, – вы просто срежьте, и пусть оно само как-нибудь заживет.

– Хорошо, – кивнула Юля, – но сначала вы должны сдать все анализы и обойти специалистов.

– Каких именно специалистов? – Улыбка сменилась озабоченным выражением.

– Эндокринолога, кардиолога, аллерголога, психиатра, – строго отчеканила Юля.

– Но у вас частная коммерческая клиника! – рассердился молодой человек. – Зачем это нужно?

– Таков порядок. Без этого я не могу вас положить на операцию. Виктория Сергеевна, пожалуйста, выпишите направ-

ления, – обратилась она к сестре, которая сидела зажав рот ладонью. Глаза ее были мокрыми, и уже потекла тушь. Юля слегка нахмурилась и посмотрела на молодого человека: – Будьте добры, подождите в коридоре. Мне нужно принять следующего больного.

Вопреки опасениям, молодой человек покинул кабинет вполне спокойно. Как только дверь за ним закрылась, Вика прыснула. Щеки ее стали черными от туши, она чуть не падала со стула, и смех ее наверняка был слышен в коридоре.

– Еще не известно, кто сумасшедший, он или ты, – проворчала Юлия Николаевна, подошла к холодильнику, достала бутылку минералки, налила полный стакан и протянула Вике, – пей маленькими глотками.

– Не могу, Юлия Николаевна, не могу... Ой, мамочки... Вы знаете, кто у нас следующий? Протопопова! Я не выдержу, честное слово.

– Надо же, а я ее не заметила в коридоре. Тогда тем более успокойся.

Алле Ивановне Протопоповой недавно исполнилось семьдесят пять. Она перенесла дюжину пластических операций и хотела еще. Ее сын был банкиром, и с оплатой проблем не возникало. В очередном телесериале ей нравились подбородок и нос какой-нибудь пылкой мексиканки, она совала врачам фотографии и требовала, чтобы ей срочно сделали такие же плюс очередную подтяжку, потому что «вот тут появилась морщинка». Лицо ее давно стало похоже на маску

без признаков жизни и возраста. Получив отказ, она впадала в ярость, писала жалобы в Минздрав, в МВД, в налоговую инспекцию.

– Юлия Николаевна, вы замечали, что психи никогда не приходят в одиночку? Косяком идут, чтобы мало не показалось. Вроде работаешь с нормальными больными, забываешь о психах, расслабляешься, а тут – оба-на, в один день трое подряд. Может, на них луна действует? Или магнитные бури? – Вика икнула, громко высморкалась и принялась стирать разводы туши.

В этот момент в кабинет вплыла старуха Протопопова. В руках у нее был толстый модный журнал в глянцевой обложке, из него торчали белые закладки, и Юлии Николаевне пришлось разглядывать носы, подбородки, губы и глаза фото-моделей, потом долго терпеливо объяснять, что Протопоповой больше нельзя делать никаких пластических операций. Старуха выплеснула на нее обычную порцию брани и угроз, Юлия Николаевна вяло парировала и, когда за Протопоповой закрылась дверь, почувствовала такую усталость, словно разгрузила целый грузовой состав в одиночку на сорокаградусной жаре.

Потом были еще две дамы, к счастью, вполне нормальные. Одна хотела убрать морщины со лба, другой требовалась пластика век.

Прием закончился. Юлия Николаевна поела в кафе напротив клиники, позвонила домой Шуре и узнала, что Гюрза

ее не вызывала и день в школе прошел вполне сносно.

– У меня тоже вполне, – сказала она Шуре и пообещала, что сегодня придет пораньше. Ей действительно осталось осмотреть в стационаре своих прооперированных пациентов, и можно было спокойно отправляться домой.

Однако через пять минут после разговора с дочкой ее вызвал главный врач.

«Интересно, кто пожаловался? Мамаша Василькова? Нет, вряд ли. Скорее всего, опять Протопопова», – думала Юля по дороге к его кабинету.

Петр Аркадьевич Мамонов пил чай и жевал печенье.

– Мне нужно с вами посоветоваться. Тут у меня одна больная... – Он поперхнулся, закашлялся. Юля обошла стол, хлопала его по спине и продолжила его фразу:

– ...жалуется, что доктор Тихорецкая отказывается ее оперировать?

Мамонов справился с кашлем, вытер потный лоб бумажным платком, откинувшись на спинку кресла, уставился на Юлю маленькими грустными глазами.

– А кому вы сегодня отказали, доктор Тихорецкая?

– Мадам Протопоповой, – с широкой улыбкой сообщила Юля, – и еще двоим. Один требовал срезать кожу со спины, чтобы кардинально удалить волосы, поскольку каждый волосок представляет собой сверхчувствительную антенну, принимающую сигналы с секретной базы ЦРУ.

– Это чудесно, – кивнул Мамонов без всякой улыбки, – а

кто же третий?

– Мама привела дочку семнадцати лет. У девочки булимия, анорексия, дистрофия, депрессия, она кажется себе уродом, хотя на самом деле красавица. Они хотят просто операцию. Какую-нибудь.

– А, ну-ну, – равнодушно кивнул Мамонов, поднялся, вышел из-за стола и подхватил Юлю под руку, – пойдемте, я покажу вам мою больную. Довольно популярная эстрадная певица, Анжела. Можно сказать, звезда. Слышали? Нет? Ну не важно. Фамилия ее Болдынко. Ей двадцать два года. Месяц назад ее страшно избили, изуродовали лицо. Там переломано все, что можно сломать. С ней работали в Институте челюстно-лицевой хирургии. Работали честно, но грубо. Все жизненно важные функции восстановлены, а лица пока что нет. Четверо хирургов-косметологов от нее уже отказались.

Они вошли в соседний кабинет. Там на банкетке сидело маленькое бесполое существо. Обритая голова была низко опущена и болталась на тонкой шейке, как у сломанной куклы.

– Вот, Анжела, познакомься, это наш лучший хирург, Юлия Николаевна Тихорецкая.

Существо медленно подняло голову. Лица действительно не было. Юля увидела перекошенную, покрытую выпуклыми рубцами маску. Мимические мышцы застыли в утрированном страдальческом выражении, это была злая карикатура на страдание, мертвый слепок с грубой театральной гримасы.

И только глаза оставались живыми. Они глядели на Юлю не моргая. В них были отчаяние, безнадега, надежда, все сразу.

На светящемся экране темнело множество рентгеновских снимков, на столе лежала толстая папка медицинских документов.

– Ну что, давайте посмотрим, – бодрым голосом произнесла Юля, пододвинула стул и, осторожно прикоснувшись к маске, повернула ее к яркому свету.

* * *

Майор Сергей Логинов проснулся от знакомой, родной боли, она уже не шутила, не пускала тонкие искры иголки. Она быстро, по-хозяйски заполнила нижнюю часть тела, от ступней до поясницы, набухла и пульсировала в каждой клетке. Пришла медсестра Катя, поменяла капельницу, вколола обезболивающие.

– Да, кстати, я тебя поздравляю с днем рождения! – выпалила она и засмеялась.

– Разве сегодня пятое января? – удивился он.

– Нет. Сегодня второе февраля тысяча девятьсот девяносто девятого года. Запомни дату. Вчера ты родился во второй раз, с чем тебя и поздравляю. У нас тут, конечно, не роддом, однако новорожденные иногда появляются. Ты, например.

Она рассказала, что госпиталь находится под Москвой, ближайший населенный пункт – город Талдом Московской

области. Доставили его сюда в бессознательном состоянии с тяжелой формой дистрофии, и ноги его представляли собой фарш, истыканный обломками костей.

Ему показалось, она нарочно так много говорит, чтобы он не задавал лишних вопросов.

– И еще у тебя был педикулез. Вши. Ну и чесотка, само собой. Ты был как бомж. А тощий, господи! Тебя можно было спокойно выставлять в качестве учебного пособия по анатомии. Пузо к позвоночнику прилипло, ребра как стиральная доска. А в довершение всех безобразий у тебя было ОРЗ. Острое респираторное заболевание, в очень тяжелой форме. Температура тридцать восемь и пять.

Он продиктовал Кате телефон своей мамы и попросил позвонить в Москву. В ответ она молча кивнула. А когда он спросил на следующий день, позвонила ли, она, не глядя ему в глаза, ответила, что пыталась, но там никто не подходит.

– Тогда отправь телеграмму. Я продиктую адрес.

– Какие телеграммы, бог с тобой! Здесь лес кругом. – Она покраснела, и лицо ее сморщилось в мучительно-фальшивой улыбке. – Ближайшее почтовое отделение в Талдоме, в пятидесяти километрах.

– Совсем не умеешь врать, – прошептал он еле слышно.

– Что? – вспыхнула Катя.

– Ничего... В пятидесяти километрах, говоришь? Но ведь не пустыня.

– Не пустыня. Секретный объект. – Катя надулась и от-

вернулась.

– Ладно, не обижайся. Я понял. Но ты не живешь здесь круглый год, хоть иногда ездешь и в Талдом, и в Москву.

– Только в отпуск. Сейчас февраль, а отпуск у меня в августе.

– Катюша, ну помоги мне, пожалуйста, у тебя ведь тоже мама есть. – Он попытался взять ее за руку, но она резко поднялась и вышла.

А через десять минут явился Аванесов, ни слова не говоря осмотрел его ноги, потом поднял пижамную куртку, стал слушать, долго сосредоточенно водил холодным фонендоскопом по груди, хмурился, бормотал себе под нос: «Хорошо, хорошо». Снял фонендоскоп, поправил одеяло и сердито произнес:

– Зачем к девчонке с дурацкими вопросами пристаешь? Не может она твоей маме позвонить. Не имеет права, понимаешь?

– Нет.

– А куда ты попал, тоже не понимаешь?

– Нет.

– Ну ладно. Чтобы больше не было проблем – запомни. Это госпиталь при учебно-реабилитационном центре Федеральной службы безопасности. Сверхсекретный объект. Мы не имеем права никому сообщать о наших раненых.

– Почему ФСБ? – процедил он сквозь зубы, не надеясь услышать ответа.

– Так получилось. Тебя наш спецназ подобрал. Загрузили в военный самолет, уже в фольге, как труп. Ну потом, при посадке, то ли трянуло тебя, то ли подействовал перепад давления, но ты застонал, зашуршал, в общем, везли покойника, привезли живого. – Аванесов хохотнул, подмигнул. Воспоминание об ожившем покойнике его развеселило. Сергей готов бы повеселиться вместе с ним, но быстро, на одном дыхании спросил:

– Моя мать знает, что я жив?

– Пока нет, – помотал головой Аванесов, – ей пришло официальное сообщение, что ты пропал без вести. Но ты не забывай, мать такие вещи сердцем чувствует. Не бойся, не похоронила она тебя, точно не похоронила. Столько времени ждала, подождет еще немного. Так надо. Почему, зачем – понятия не имею. Одно могу сказать: что ты жив, не знает вообще никто. Лежи и не рыпайся, отдыхай, глупый ты человек, радуйся, что дышишь, что ходить будешь и даже бегать, а вопросов больше не задавай, понял?

– Нет.

– Ну тогда просто прими на веру. Считай, это приказ. Ты кто? Майор, да? А я полковник медицинской службы. Вот я тебе приказываю радоваться жизни и не задавать вопросов, даже о маме. Все. Прости, дорогой. Потерпи немного.

Глава третья

Внеочередное заседание совета директоров коммерческого банка «Прометей» проходило не в конференц-зале, как обычно, а в уютном просторном кабинете председателя. Собралась верхушка совета, всего тринадцать человек. Следовало обсудить стратегию банка в свете последних, совершенно неожиданных событий. Сразу пятеро крупных государственных чиновников, которые являлись почетными клиентами и покровителями банка, оказывали ему множество законных и незаконных услуг, слетели со своих постов. Слетели почти одновременно, но по-разному. Трое подали в отставку, а на двоих были заведены уголовные дела по статьям о взяточничестве и превышении служебных полномочий.

Председатель, Владимир Марленович Герасимов, высокий лысый толстяк с нездоровым отечным лицом, говорил взволнованно, отрывисто, с хриплой одышкой:

– Мы все взрослые люди и понимаем, что вопрос о взятках в данной ситуации даже не вторичен. Он стоит на десятом месте. Сейчас главное, во всяком случае для нас с вами, это грядущее кардинальное обновление среднего руководящего звена и слияние департамента лицензирования банковской и аудиторской деятельности с департаментом контроля за деятельностью кредитных организаций на фондовых рынках. В связи с этим мы обязаны прямо здесь и сейчас разработать

не только тактику, но и стратегию...

Секретарша бесшумно вкатила сервировочный столик, заполненный чайными и кофейными чашками. При ее появлении повисла напряженная пауза, собравшиеся принялись помешивать сахар, прихлебывать, не глядя друг на друга. Владимир Марленович не притронулся к своему кофе. Он сидел понурившись, вертел в толстых пальцах антикварную паркеровскую ручку и не мог оторвать глаз от красивой дорожной вещицы, с которой никогда не расставался. Два дня назад он собственноручно разобрал ее и почистил серебряный корпус специальным составом. Но серебро опять почернело.

– Повторяю, – произнес он, кашлянув, – не только тактику, но и стратегию, долгосрочную безошибочную программу действий... – Одышка усилилась, лицо побагровело. Он несколько раз судорожно сглотнул и почувствовал необычный, неприятный вкус во рту. – Слияние департаментов предполагает значительные кадровые перемены, по моим данным, придет совершенно новая команда. Надежда Федоровна, – обратился он к моложавой седовласой даме в розовом костюме, – пожалуйста, зачитайте нам список.

Дама залпом допила свой чай, поправила аккуратную челку и, достав из пластиковой папки несколько листов бумаги, принялась перечислять фамилии кандидатов на важные чиновничьи посты в новом департаменте, сопровождая каждую кратким жестким комментарием. Собравшиеся переглядывали

вались, вздыхали, качали головами, многозначительно закатывали глаза и поджимали губы. В список входило десять человек, то есть по два кандидата на должность, и, как назло, все это были какие-то неопределенные фигуры с темным провинциальным прошлым.

Когда Надежда Федоровна закончила, стало тихо. Каждый думал: сколько усилий пропало напрасно! Что значит для коммерческой структуры чиновник? Все. Абсолютно все. При дикости законов, при зверском коварстве налоговой системы единственный способ выжить – это подружиться с нужным чиновником, понять его слабости и пристрастия, научиться радовать его, чтобы при твоём появлении он внутренне сиял, как дитя перед новогодней елкой. В один день и за копейку такое невозможно. Но только все наладится, только возникнет сладкое чувство надежности и крылья вырастут за спиной, как заваривается очередная кадровая чехарда и твой влиятельный друг, весь такой родной, податливый, мягкий, прогретый твоей горячей благодарностью, откормленный, облизанный собственным твоим языком со всех сторон, сегодня в отставке, завтра под следствием, а на его месте новый, чужой, голодный, твердокаменный, и давай начинай все сначала.

Совет директоров молчал и вопросительно глядел на председателя, Владимира Марленовича, на железного Вову, отставного генерала ФСБ. С ним ничего не было страшно. Он благодаря своим старым связям и доступу к секретным

архивам мог быстро добыть необходимую информацию о новых кандидатах на заветные должности. Все ждали от него если не утешения, то хотя бы внятных комментариев, однако он продолжал крутить свою ручку и, казалось, вовсе не замечал тревожного нетерпения присутствующих.

Владимир Марленович привязывался к некоторым мелким вещичкам настолько, что, если они портились и терялись, он чувствовал почти физическую боль, как будто галстучная булавка, запонки, ручка, зажигалка, чашка и прочие мелочи были частями его тела. Конечно, такому солидному человеку глупо огорчаться оттого, что почернел серебряный корпус его любимого «Паркера». Но он вдруг вспомнил, каким черным стал его любимый серебряный подстаканник, который он брал в руки утром и вечером, когда пил чай дома. Ему впервые пришло в голову, что серебро, соприкасаясь с его кожей, чернело и теряло блеск. Но этого мало. Золото нательного креста и обручального кольца приобрело тусклый красноватый оттенок, хотя золото в принципе не окисляется. Под кольцом на пальце образовалась несмываемая черная полоса. Ладони его, всегда сухие и теплые, в последнее время стали ледяными и влажными, и даже появилась неприятная привычка украдкой вытирать их о брюки. Ему казалось, что изменились структура его кожи, запах тела, вкус во рту.

Прислушиваясь к себе, он не обнаруживал ничего тревожного. Он, безусловно, был здоров. Это подтверждали и результаты анализов, и специальные компьютерные исследова-

ния, которые он не поленился пройти. Правда, в последнее время он стал набирать вес, но волноваться не стоило. Пару месяцев назад он бросил курить, и, естественно, его слегка разнесло. Надо просто встряхнуться, несколько раз сходить в сауну, попрыгать на теннисном корте, возобновить утренние получасовые пробежки в любую погоду, и все будет хорошо.

– Владимир Марленович, вы что-то сказали? – Голос донесся издалека, он вздрогнул и растерянно огляделся. Ему показалось, что ледяной влажный туман мартовского утра просочился сквозь оконное стекло и заполнил все пространство кабинета. Он видел смутные силуэты людей, они открывали рты, качали головами, они причудливо извивались и распадались на части, которые продолжали двигаться самостоятельно, как дождевые черви, разрезанные острием лопаты. Его отделяла от реальности толща липкого тумана, он летел с огромной высоты в колодезь, на дне которого шевелились смутные призраки его детства.

Лет пятьдесят назад в деревне Климкино Брянской области мальчик Вова Герасимов копал в огороде картошку, и потом ему снились комья рыжего суглинка и розовые толстые черви под острием лопаты.

Резкий телефонный звонок привел его в чувство. Он потянулся к трубке, как к спасательному кругу. Рука стала такой влажной, что трубка чуть не выскользнула.

– Да, – прохрипел он и с облегчением обнаружил, что туман рассеялся, за столом в его кабинете сидят знакомые, на-

дежные, солидные люди, а вовсе не зыбкие чудовища из детского кошмара.

– Володя!

Он не сразу понял, что звонит жена. Она не могла звонить сейчас, поскольку отлично знала, что у него внеочередное заседание совета и беспокоить его нельзя категорически.

– Наташа, в чем дело?

– Стасика пытались убить. Здесь у меня следователь, я передаю ему трубку.

– Погоди, я не понял...

– Владимир Марленович... товарищ генерал... – теперь с ним говорил незнакомый мужчина, – добрый день. Старший следователь Чижов.

– Очень приятно, – машинально отозвался Герасимов, – что случилось?

– Сразу скажу, чтобы вы не нервничали, товарищ генерал, с вашим сыном все в порядке, – звучал в трубке высокий бодрый голос. – Сегодня ночью двое неизвестных прикрепили к днищу его машины взрывное устройство, к счастью, никакого взрыва не было, но у нас есть серьезные основания опасаться, что покушение повторится.

– Где это произошло?

Герасимов знал, что в доме Стаса имеется подземный гараж с сигнализацией и круглосуточной охраной. Взрывное устройство могли прицепить к машине только в чужом дворе. Если бы Стас ночевал дома, он не поленился бы загнать

в гараж свой новенький «Фольксваген»-«каплю».

– Станислав Владимирович ночевал у своей знакомой, – кашлянув и понизив голос, произнес следователь. Показалось даже, что он прикрыл трубку ладонью. – Это произошло во дворе возле ее дома, в Коньково. Нам нужно срочно встретиться и поговорить. Станислав Владимирович пока отказался отвечать на наши вопросы.

– Где он?

– Вот именно об этом я и хотел вас спросить, товарищ генерал. Дело в том, что ни один из его телефонов не отвечает, его нет ни дома, ни на работе, нигде.

– А что с машиной?

– Ее пришлось эвакуировать в автосервис. Повредили немного, когда обезвреживали взрывное устройство.

– На чем же он уехал?

– Честно говоря, не знаю, – смутился следователь, – на метро, наверное. Или такси поймал.

– И куда, тоже не знаете?

– Он мне не доложил, товарищ генерал.

Пока Владимир Марленович беседовал по телефону, совет директоров сидел молча. Двенадцать пар глаз уперлись в бледное, блестящее от пота лицо председателя. Все поняли: у железного Вовы произошло нечто серьезное, и всем было интересно что же. Наконец он положил трубку и глухо произнес, ни на кого не глядя:

– Прошу прощения. Мне надо срочно ехать домой.

– Владимир Марленович, что случилось? – Надежда Федоровна сидела ближе других и, протянув руку, притронулась к влажным пальцам генерала. – Мы можем помочь?

– Спасибо. Все свободны. – Он одернул кисть, словно его ударило током. – Заседание переносится на завтра. Жду всех здесь к девяти утра.

Получилось нехорошо, обидно. Надежда Федоровна поджала губы и принялась поспешно собирать бумаги. Совет директоров загремел стульями, никто больше не задал ни единого вопроса, все удалились молча, и только в коридоре принялись бурно делиться предположениями.

* * *

Отправляясь наконец домой, Юлия Николаевна Тихорецкая заметила у своего кабинета в кресле одинокую фигурку. В коридоре был полумрак, и она не сразу узнала сегодняшнюю изуродованную певицу. Анжела дремала, положив на высокий подлокотник голову, замотанную черным платком.

– Почему ты не едешь домой? – спросила Юлия Николаевна.

Девушка сильно вздрогнула, поспешным и уже привычным движением надела огромные темные очки.

– За мной должен был заехать Гена, мой продюсер, но он исчез. Телефон его отключен, а денег на такси у меня нет, даже на метро нет. Гена меня привез и должен был забрать.

– Далеко живешь?

– На Вернадского.

– Ладно, пойдем, отвезу тебя домой.

– Спасибо. – Анжела встала и вяло поплелась за Юлией

Николаевной вниз по лестнице.

Когда они оказались в ярко освещенном холле, Юля взглянула на карикатурно трагический профиль в огромном зеркале. Платок и очки многое скрывали, но уродство все равно бросалось в глаза, и Юля с раздражением подумала, что погорячилась. Вряд ли удастся вернуть Анжеле прежний облик. Это будет маска, пусть даже идеально правильная, но неживая. Девочка как будто прочитала ее мысли.

– Я никогда больше не стану нормальной? – спросила она монотонным хриплым шепотом.

– Ты будешь очень красивой.

– Ни-фи-га... – она помотала головой и оттянула платок у шеи, словно он душил ее, – я не верю.

– Верись, – жестко сказала Юлия Николаевна, – во всяком случае, должна, иначе зачем приехала сюда?

– За тем, что надо ведь что-то делать, не выходить же в люди с такой рожей! Когда вы намерены меня оперировать?

– Думаю, завтра начнем готовиться.

Новенького «Форда» доктора Мамонова на стоянке уже не было, вместо него рядом с Юлиной «Шкодой» стоял чей-то скромный «жигуленок» – точно так же, бампер к бамперу.

Когда она выехала из ворот клиники, было девять часов.

Моросил мелкий ледяной дождь. Юля включила печку в машине, поставила музыку. Анжела сидела рядом с ней, смотрела вперед, но вряд ли что-то видела в темноте сквозь черные очки.

– Кто же это сделал с тобой? – тихо спросила Юля.

– Их никогда не найдут, – хрипло отчеканила Анжела, – трое ублюдков напали ночью во дворе, когда я гуляла с собакой. Собаку убили. Меня, в общем, тоже, потому что жить с таким лицом нельзя.

– А какая была собака?

– Пекинес. Меньше кошки. Ладно, хватит об этом. Меня и так затрахали всякие оперативники, следовательно.

– Но все-таки следствие движется?

– Не знаю. Я хочу вообще забыть об этом, понимаете?

– Понимаю, – кивнула Юля, – однако важно, чтобы их нашли, не только потому, что они должны быть наказаны. Ты, наверное, уже знаешь, если их найдут, суд обяжет их оплатить твоё лечение.

– Оплатить мое лечение? Ха-ха, какой отличный вариант! Не найдут их никогда в жизни. А что касается денег – теперь это не проблема. Деньги есть.

Долго ехали молча. У Юли просто не было сил разговаривать. Анжела иногда принималась тихонько подпевать Элвису Пресли. Голос у нее был вполне приятный.

– Так мне завтра к которому часу приезжать? – спросила Анжела, когда они выехали на проспект Вернадского.

– К двенадцати.

– Ага. Вот мой дом, – она кивнула на одну из желтых двенадцатиэтажек на противоположной стороне проспекта, – там через квартал можно развернуться.

Машина стояла у светофора на перекрестке. У Анжелы в кармане куртки затренькал телефон.

– О, это, наверное, Генка! – обрадовалась она, доставая крошечный аппарат. – Алло. Уже знаю. Тридцать тысяч. Ну, не рублей, конечно. Какая тебе разница? Когда буду, тогда буду. Ты что, опять ревнуешь? Ой, дурак, ну дурак! Да кому я нужна с таким рылом? Ага, конечно... Зачем? Ты хочешь, а я не хочу!

Загорелся зеленый, Юлия Николаевна успела доехать до поворота, развернуться, а Анжела все держала аппарат и молча, напряженно слушала своего собеседника. Наконец взорвалась криком:

– Ненавижу тебя, понял? Видеть не могу! Да что ты говоришь, зайчик? Нельзя? Да? А по морде кулаками и ботинками можно? Я не ору, это ты орешь! Сказала: не твое дело! Ну в машине еду.

Она кричала так, что у Юлии Николаевны звенело в ушах. Но внезапно опомнилась, замолчала, захлопнула крышку телефона и быстро, тихо пробормотала:

– Генка, мой продюсер, дурак, напился в зюю и забыл, что меня надо было забрать из больницы. Теперь звонит, извиняется.

«Значит, это твой продюсер Генка тебя зверски изуродовал, а теперь решил выложить деньги на пластические операции?» – подумала Юля, но вслух ничего не сказала.

– Мне завтра натошак приезжать? – спросила Анжела, когда они остановились во дворе у дома.

– Нет.

– То есть операции завтра еще не будет? А когда же?

– Как только, так сразу, – неопределенно ответила Юля, – спокойной ночи.

– Спасибо вам. Извините, что я орала у вас в машине, как базарная баба. Я вообще-то не такая. Я изнутри белая и пушистая, просто с нервами плохо.

Юля проводила взглядом тощую нескладную фигурку, развернулась, выехала из двора. Она не заметила, как вслед за ней со стоянки отчалила маленькая черная «Тойота» с затемненными стеклами. Юркий неприметный автомобиль следовал за ней до самого ее дома и довольно долго еще стоял после того, как она скрылась в подъезде.

* * *

Из реанимации Сергея перевели в бокс. Те же голые кафельные стены, те же тишина и пустота, но все-таки имелось маленькое окно под потолком, за которым качались молодые елки и белела глухая стена соседнего здания. Если повернуться на правый бок и чуть приподнять голову, то можно

было в это окошко смотреть, правда, совсем недолго. Каждое движение причиняло такую острую боль, что искры летели из глаз. Обезболивающие препараты помогали только тогда, когда он лежал смиренно на спине.

Сергей потерял счет времени. Катя старалась с ним не разговаривать, вероятно, ей запретили. Аванесов заходил все реже, на вопросы отвечал неопределенно. А в последний раз, когда пришел, сипло пожаловался на больное горло и сказал, что говорить ему ужасно трудно.

Майор Логинов заметил, что в монотонном, мучительном течении времени самыми яркими стали для него моменты, когда приходит Катя и делает укол. Ему хотелось только одного – провалиться в привычное забытие. Оно утешало и оупляло.

Еще немного, и он превратится в покорное бессмысленное животное. Эта мысль посетила его в самый неподходящий момент, на зыбкой границе между сном и явью, когда простые привычные вещи искажаются до безобразия и ничего нельзя понять ни в себе самом, ни в окружающем мире.

Очнувшись на рассвете после порции дурного наркотического забытия, он обнаружил рядом с койкой Катю. В руках она держала шприц.

- Что ты собираешься колоть?
- Обезболивающее, как обычно.
- Не надо.
- С ума сошел?

– Я не хочу подсесть на иглу, – он попытался улыбнуться, – я могу терпеть.

– Это нельзя терпеть! – категорически заявил доктор Аванесов, явившийся к нему через пятнадцать минут. – Ты будешь орать, никому спать не дашь. А привыкания не бойся. Морфий тебе перестали колоть три дня назад. Мы меняем препараты, сейчас это промедол и анальгин.

– Не надо. Я буду терпеть.

– Зачем? Терпелка у тебя не казенная.

– Буду терпеть, – повторил он и закрыл глаза.

– Ладно, – вздохнул Аванесов, – что я тебя уговариваю? Уже сегодня вечером сам попросишь обезболивающее.

Он не попросил ни сегодня, ни завтра. Он привык к боли и даже подружился с ней. Боль была честней и надежней, чем сладкий искусственный сон.

Глава четвертая

– Рубенчик, прости меня, – шептала Галя Качерян, надравивая и без того белоснежную плитку, – ты же знаешь, как я тебя люблю, никто, кроме тебя, мне не нужен. Ты улетел, я осталась одна и заболела. Стасик просто заехал навестить меня, привез лекарства, немного выпил, не мог сесть за руль, и я уложила его в Андрюшиной комнате. Ничего не было, совершенно ничего, он мне как брат, мы выросли вместе. Представь, если бы я тебя стала ревновать к Карине. Смешно, в самом деле!

Вспомнив о сестре мужа, которая ее не любила, Галочка расстроилась еще больше. День она провела в слезах и метаниях по квартире, пыталась заняться домашними делами, но все валилось из рук. Вечером позвонил муж из Петербурга, сообщил, что должен задержаться еще на пару дней. Галя пожаловалась ему на простуду, сказала, что очень соскучилась. Разговаривая с ним, она так сильно дрожала, словно у нее и в самом деле поднялась температура.

Ночью ей снились кошмары. Рубен в красной рубашке с закатанными рукавами держал за волосы окровавленную голову Стаса и скалил белые зубы.

Утром Галя позвонила подруге Марине. Она больше не могла оставаться наедине со своими страхами.

– Как же ему удалось не взорваться? – спросила Марина,

выслушав ее сбивчивый рассказ.

– Вышел на балкон, увидел, как они возятся возле машины, и вызвал милицию. О-ой, что будет! Рубен прилетает послезавтра, и его обязательно станут допрашивать.

– А он-то здесь при чем?

– Ну как же! Рубен работает у Стаса на фирме. Стас ночевал у нас дома, машина стояла под нашим балконом. Нет, его обязательно будут допрашивать.

– Интересно... А ты знаешь, они ведь могут твоего Рубена подозревать в первую очередь. Допустим, он знал о ваших отношениях и заказал Стаса.

– Ты что! Рубен не мог ничего знать.

– Ага, конечно. Ты со Стасом спишь уже лет десять.

– Пятнадцать, – машинально уточнила Галочка, – но мы встречаемся не регулярно.

– Это не важно. Вы встречаетесь и спите. Он приезжает к тебе домой, все происходит в супружеской постели, – Марина нервно хохотнула, – и муж, ангелочек, ни о чем не догадывается... Нет, Галочка, либо твой Рубен дурак, либо ты дура.

Галочка слишком нервничала, чтобы обидеться, и «дуру» пропустила мимо ушей. Но предположение, что муж ее может оказаться в числе подозреваемых, добило ее окончательно. Она горько заплакала в трубку.

– Ладно, успокойся. Я сейчас приду к тебе, мы все обсудим, что-нибудь придумаем.

Марина жила в соседнем доме и уже через двадцать минут позвонила в дверь. Высокая, громоздкая, с могучим торсом и толстыми конечностями, с копной рыжих и жестких, как медная проволока, кудрей, она заполнила собой всю маленькую прихожую. От нее все время било током, и когда она чмокнула Галю в щеку, та ойкнула. Скинув изношенные кроссовки, Марина тяжело протопала на кухню в одних носках, по дороге щелкнула кнопкой электрического чайника и уселась на лавку, поджав ноги.

– Жрать дашь? Не завтракала. – Она схватила с подоконника пестрый тонкий журнал, пролистала, не глядя на страницы, отбросила, вытянула зубочистку из керамической баночки, сосредоточенно поковыряла в зубах, потом принялась ломать зубочистку. Раскрошила в мелкие щепки и тут же взяла следующую.

Руки ее постоянно двигались, что-нибудь теребили, мяли, рвали, пощипывали. Гладкое широкое лицо с мягким маленьким носом и узкими сухими губами оставалось безмятежно спокойным. Круглые светло-карие глаза могли очень долго, не моргая, смотреть в одну точку, и только правое веко едва заметно подергивалось.

Нервный тик появился у нее три года назад, после того как вечером в подъезде застрелили ее мужа. Он пытался заниматься бизнесом, взял в сомнительном банке солидную сумму под проценты, и когда стало ясно, что долг он вернуть не сумеет, его убили в назидание другим.

Детей у Марины не было, она жила одна в маленькой двухкомнатной квартирке и кое-как пыталась заработать на жизнь – то шила что-нибудь на заказ, то убирала чужие квартиры, то раздавала у метро рекламные буклеты. Иногда появлялись мужчины, но исчезали очень быстро, поскольку всякий раз выяснялось, что нужна не сама Марина, а прописка в ее двухкомнатной квартире.

Галочка болтала без умолку, варила кофе, вытаскивала из холодильника немислимые деликатесы – стеклянную банку с красной икрой, пластиковые упаковки с нарезанной семгой и севрюгой, французский паштет из гусиной печени, испанскую сырокопченую колбасу с белым налетом на шкурке. Марина не слушала ее, она не могла оторвать глаз от стола, ее круглые широкие ноздри трепетали.

– Хорошо живешь, Галочка, – произнесла она, судорожно сглотнув.

– А, это Стасик принес. Он любит вкусно позавтракать, но сегодня, видишь, не получилось. Все осталось.

Марина намазала маслом и икрой половинку булочки, откусила и стала медленно жевать, прикрыв глаза.

– Следователь сказал, его опять попытаются убить, он считает, Стасика кто-то заказал, – Галочка разлила кофе по чашкам и уселась за стол, – такие вещи нельзя говорить человеку. Зачем пугать? Может, это вообще была ошибка, может, бандиты его с кем-то перепутали.

– А сам он что думает? – спросила Марина, отхлебнув ко-

фе и тут же схватив сразу три толстых куска колбасы.

– Он в шоке. Ну ты только представь, человек своими глазами видит, как к его машине прикрепляют взрывчатку! Это ж с ума сойти можно. – Галочка отпилила вилкой крошечный кусочек семги и рассеянно отправила в рот. – Я хочу сказать, все это вообще очень странно. Вот когда твоего Колю убили, ведь сначала были угрозы, телефонные звонки, вам предлагали квартиру продать, и только потом уж убили, когда он отказался. А тут – вообще ничего, никаких угроз, предупреждений. Стасик золотой человек, у него просто не может быть врагов.

– Ну, допустим, враги у всех есть, – невнятно, с набитым ртом возразила Марина, – особенно если человек вот так завтракает каждый день.

– А при чем здесь это? – Галочка удивленно вскинула тонкие светлые бровки.

– Да так, ни при чем, – Марина быстро сделала себе еще один бутерброд с икрой, – ладно, давай дальше. Следовательно о чем спрашивал?

– Ой, не помню я. Все как в тумане. Вроде спросил, кому было известно, что Стас будет ночевать у меня.

– Ну и кому же?

– Никому, – Галочка энергично помотала головой, – ни единой душе. Он позвонил в десять из машины. Он никому ни слова не говорил, я тоже.

– Ты в этом уверена? – Марина допила кофе, тут же на-

лила себе еще.

– Ну что я, совсем без мозгов, что ли? Я вчера вечером и по телефону ни с кем не общалась, кроме тебя. Помнишь, ты мне позвонила часов в одиннадцать, сказала, что по шестому каналу идет фильм с этим... как его? Ну, такой черненький, с родинкой на щеке, на итальянца похож. – Галочка сморщилась и защелкала пальцами.

– С Де Ниро. – Марина обшарила глазами стол и, подцепив вилкой кусок севрюги, аккуратно уложила его на хлеб.

– Да, правильно, Де Ниро! – обрадовалась Галочка. – Ну и вот я тебе сказала, что болею. Ты спросила, не надо ли зайти, принести чего-нибудь, а я говорю, нет, меня знакомый собрался навестить. Приедет через час. Я ведь тебе не сказала, что это Стас?

– Нет.

– Вот видишь, даже тебе. Хотя ты единственный человек, который знает о наших отношениях. Ладно, ты лучше посоветуй, что мне с Рубеном делать?

– Ой, Галочка, не знаю. – Марина горестно вздохнула и слизнула несколько икринок с ножа. – На этот раз ты вряд ли выкрутишься. Придется сказать правду. Слушай, дай сигаретку.

– Но как же... Рубен не простит. После этого только развод. А что будет с Андрюшей? Он отца обожает, он тоже меня не простит. А квартира? Как нашу двухкомнатную размещать на две отдельные? Да еще окраина. – Она безнадежно

махнула рукой. – Нет, разводиться нельзя. Но и жить он со мной не будет после этого. Другой простил бы, а мой Рубен ни за что!

Она встала и заметалась по маленькой кухне. Все в ней дрожало и колыхалось – растрепанные бледно-желтые волосы, огромная тяжелая грудь под тонкой белой футболкой, прозрачная влага в детских голубых глазах. Маленькие розовые ручки взлетали и бессильно падали.

– погоди! А если я скажу ему, что постелила Стасу в Андрюшиной комнате? Ведь я правда болею, у меня температура, и вообще Стасик мне как старший брат. Нет, Мариша, признаваться нельзя, я в каком-то журнале читала статью одного психолога о супружеских изменах. Ни в коем случае нельзя признаваться, надо категорически отрицать.

– Ну если ты сама все так хорошо знаешь, зачем меня спрашиваешь? Слушай, ты сигарету мне дашь, наконец?

– Да, вот, – Галочка закурила и кинула на стол пачку вместе с зажигалкой, – нет, ну правда, вот ты бы своему Коле сказала?

– Я своему Коле не изменяла, – отчеканила Марина и глубоко затянулась, – мне, кроме Коли, никто не был нужен. Я его любила. И если бы твой золотой Стасик не втянул его в авантюру четыре года назад, он был бы жив.

– Ну здравствуй! – Галочка остановилась посреди кухни и всплеснула руками. – При чем здесь Стас? Он только предложил твоему Коле участвовать в перспективном деле,

только предложил, дал шанс, я хочу сказать, я в бизнесе, конечно, ничего не понимаю, но Стаса знаю с детства. – Щеки ее налились густым румянцем, глаза гневно засверкали. – И к чему ты вообще сейчас вспомнила об этом?

– Извини. Не заводись. Ты ведь болеешь, у тебя может температура подняться. И вообще возьми себя в руки. У тебя все классно – муж, сын да еще любовник богатенький. Ты на меня посмотри, какая я стала после Колиной смерти. Все мне по фигуре. Разжирела, как свинья, смотреть в зеркало тошно. Ты помнишь, какая я была? Спасибо, еще не спилась, не опустилась окончательно.

Действительно, три года назад Марина была тоненькой, легкой, ухоженной, жизнерадостной, без конца смеялась, запрокинув голову и щедро демонстрируя роскошные белые зубы. Теперь одного переднего не хватало и не было денег, чтобы вставить. Она привыкла улыбаться не разжимая губ.

Они с Колей обожали друг друга, даже на людях без конца целовались. Прожив вместе пять лет, выглядели как молодожены. За три года без него она постарела лет на десять. Убийц не нашли, заказчиков тем более, и следствие безнадежно зависло.

Гале сейчас совсем не интересно было в сотый раз обсуждать трагедию подруги, она рассеянно вздохнула и пробормотала:

- Нет, ну что ты, Маринка, ты совсем неплохо выглядишь.
- Ага, конечно. Жирная старуха в тридцать лет. Слушай,

а вот интересно, ты кого из них двоих больше любишь?

– Если бы я знала, – виновато улыбнулась Галя и прикрыла глаза, – понимаешь, Стас – мой первый мужчина, первая любовь. У нас страсть, нас прямо бросает друг к другу, ничего не можем поделаться ни я, ни он. А Рубен – муж, отец моего ребенка. С ним все по-другому.

– Если страсть, то почему твой Стас не женился на тебе?

– Ой, ну как ты не понимаешь, разве может генеральский сын жениться на внучке прислуги?

– А спать, значит, может? – Марина хрипло усмехнулась. – То есть он тебя с пятнадцатилетнего возраста употребляет, когда захочет, а ты готова рисковать своей счастливой семейной жизнью. Сволочь он, твой Стасик. Ладно, мне пора. Я возьму у тебя этих сигарет штучки три, можно? Да не кисни ты, Галка, может, оно как-нибудь само рассосется?

От ее прощального поцелуя Галю ударило током, да так сильно, что она отпрянула и потом еще несколько минут потирала щеку.

* * *

Если бы Стас Герасимов мог, он бы непременно напился, причем прямо с утра. Однако он знал, что не получится. Даже пробовать не стоит. Организм его категорически не принимал более двухсот граммов спиртного. Начиналась кошмарная изжога, и все выпитое, а также съеденное на за-

куску стремительно вырывалось наружу. Единственное, что ему хотелось сейчас, – это отвлечься, расслабиться, хорошо, сладко оттянуться. В голове у него гудела черная пустота, словно ночным сквозняком на балконе выдуло мозги.

Вместо того чтобы отвечать на вопросы следователя, обсуждать с родителями и с самим собой, кто, за что и почему решил его убить, Стас отправился в закрытый спортивно-оздоровительный комплекс и провел там весь день. Крутил педали тренажеров, качал пресс до десятого пота, потом парился в сауне, плавал в ледяном бассейне, стонал от удовольствия под мощными руками массажиста, перекусил в кафе, пару часов поспал в комнате отдыха. Мобильный телефон он отключил и совершенно отключался сам, чувствуя себя сильным, здоровым, молодым животным. Каждая жилка гудела, трепетала, кровь резво циркулировала по чистым упругим сосудам, кожа стала розовой, гладкой, глаза сверкали.

На закрытом корте скучал без партнера какой-то незнакомый пожилой чиновник. Стас поиграл с ним, потом отправился во фруктовый бар, заказал себе ледяной свежесжатый сок. За соседним столиком сидели две красотки в коротких махровых халатиках и тоже пили сок. Им было лет по двадцать пять. Одна платиновая блондинка с прямыми волосами до пояса и черными бархатными глазами. Другая ярко-рыжая, белокожая, без веснушек, с лицом недорисованной куклы Барби. Он не знал, какая ему нравится больше, в

каждой была своя прелесть. Они весело болтали, смеялись, то и дело постреливая на него глазками, и он решился улыбнуться им.

Оздоровительный комплекс был чрезвычайно приличным местом, его не посещали женщины, которые запросто идут на контакт с незнакомыми людьми. Стас не исключал, что внизу этих двух красоток ждут бдительные охранники-мордороты, что каждая из них может оказаться любовницей какого-нибудь серьезного авторитета, но сегодня он решил ни в чем себе не отказывать. Улыбка его становилась все шире, все откровенней, он уже встал, поднял свой стакан комически торжественным жестом, словно там был не сок, а шампанское и он собирался чокнуться с девушками. Но тут в бар вошли два накачанных молодых человека и направились к красавицам. Стасу пришлось сесть на место и отвернуться с безучастным видом, однако в горле у него сразу пересохло и сердце противно екнуло. Он поднес стакан к губам, заметил, как задрожала рука, и сделал большой жадный глоток. Вместе с соком в рот попала льдинка, и он принялся сосать ее, как конфету.

Все приятные и полезные процедуры, которые мог предоставить ему оздоровительный комплекс, были пройдены. День пролетел незаметно. Следовало куда-то срочно деть себя. Пребывать долго в состоянии здоровой животной неги он не мог, голова начинала работать, и поневоле все мысли крутились вокруг покушения. А стоило начать думать, и ста-

новилось страшно. Он решил, что главное сейчас – не оставаться в одиночестве. Покинув бар, он отправился в раздевалку, открыл свой шкаф, достал телефон, включил и набрал номер, по которому тут же отозвался низкий приятный женский голос.

– Привет, моя радость, – произнес он, – какие у тебя планы на вечер?

– А у тебя? – спросили его в ответ.

– Поужинать и завалиться в койку, – ответил он, снимая с вешалки брюки, – в восемь жду тебя в «Якоре» на Тверской.

– А потом?

– Я же сказал – в койку.

– Это я поняла. У тебя или у меня?

– Какая разница?

– Да, в общем, никакой, – усмехнулись в трубке, – но лучше, конечно, у меня. В твоей ванной вечно попадают чужие лобковые волоски.

– Эй, ты на что намекаешь? – искренне возмутился Стас.

– Всего лишь на то, что твоя домработница халтурит, – женщина мягко хохотнула, послышался щелчок зажигалки, – тебе пора завести жену, Стасик. Конечно, не для того, чтобы как следует мыла ванную, а чтобы контролировала домработницу.

– Я подумаю об этом, – пообещал он.

– Да ни черта ты не думаешь. Ты женитьбы боишься больше смерти, – было слышно, как она нервно, глубоко за-

тягивается, – но учти, рано или поздно найдется какая-нибудь крутая экстремалка, которая тебя притащит к венцу под дулом автомата. – Она рассмеялась, на этот раз неприятно, с истерическими нотками, и он пожалел, что позвонил ей. Однако деться было некуда.

– Ладно, солнышко, – произнес он как можно ласковее, – мы обсудим это за ужином. Целую, до встречи.

Договорив, он тут же опять отключил телефон, не спеша оделся, расчесал перед зеркалом короткие светло-русые волосы, побрызгал себя туалетной водой.

«Я не стану об этом думать. Ничего не было. Придурки, хулиганы, сопляки. Моя машина слишком выделялась в этом дворе, среди “жигулят” и “Москвичей”, она такая новенькая, сверкающая, необычная, им захотелось сделать гадость. Просто так. От скуки и зависти. Почему они таскали с собой взрывчатку? Тоже просто так. Сейчас это модно. Сейчас чего только не взрывают. Может, они вообще террористы? Им не важно было, чья именно машина взлетит на воздух, лишь бы взлетела какая-нибудь, желательно дорогая иномарка».

Так он утешался, пока шел по закрытой автостоянке к черному «мерсу», который еще утром вызвал с фирмы вместе с шофером Гошей. Гоша часто возил деньги, имел оружие, с ним было спокойно.

– С легким паром, Станислав Владимирович, – шофер вышел и открыл ему заднюю дверцу, – тут вас разыскивали. Владимир Марленович лично со мной связался, спрашивал,

где вы.

– Ты что ответил?

– Ну, как договаривались. Сказал, вы сами с ним свяжитесь.

– А он?

– Ждет звонка. И Рита звонила, говорит, вас какой-то майор Чижов разыскивает, вроде из ФСБ.

Рита была его секретаршей. Значит, на фирме уже все знают. И Гоша знает. Этот весельчак Чижов наверняка сообщил ей о покушении, а она рассказала Гоше. Однако он молодец, не задает лишних вопросов. Теперь ФСБ имеет полное право перерыть всю документацию, влезть в его дела с ногами.

«А может, они сами все это организовали, чтобы получить такую возможность?» – отрешенно подумал Стас и, развалившись на мягком сиденье, сказал:

– Знаешь что, Гоша, пошли они все на фиг! Выключи телефон. Поехали к «Палас-отелю».

– Может, отцу с матерью позвоните? – спросил Гоша. – Волнуются все-таки. Я бы своим позвонил.

– Ну ты же сказал им, что со мной все нормально?

– Сказал.

– Вот и ладно. Выключай мобильник. Поехали.

Уже стемнело. Сыпал мелкий ледяной дождь. Стоянка была залита светом нескольких прожекторов. Стас сунул руку в карман крутки и вместе с пачкой сигарет нечаянно достал маленький бумажный прямоугольник, хотел скомкать и

выбросить не глядя, но все-таки стало интересно, что за бумажка и откуда взялась у него в кармане.

Это была фотография, черно-белая, паспортная. С нее глядела на Стаса красивая темноволосая девушка шестнадцати лет. Снимок не мог передать прозрачности кожи, глубокой темной синевы глаз. Девушка была не просто хороша. В ней таилась убийственная древняя прелесть. Она умела смотреть так, как, вероятно, смотрела Ева на Адама, протягивая ему яблоко с древа познания добра и зла. У нее был низкий, мягкий голос и пластика священной египетской кошки. Тусклый снимок двадцатилетней давности был заражен очарованием оригинала, как радиацией. Несколько секунд Стас глядел, не отрываясь.

– Не дует? Окошко прикрыть? – спросил Гоша, обернувшись.

Прожектор у ворот стоянки залил салон ослепительным светом.

– Нет! – рявкнул Стас и прихлопнул маленький снимок ладонью.

– Ну, как скажете, – мирно прогудел Гоша, – а то вы после сауны, может просквозить.

Машина выехала на трассу. В салоне стало темно. Трясущимися руками Стас порвал фотографию в клочья, сгреб в горсть и выкинул в приоткрытое окно. Шофер услышал странный сдавленный стон, заметил, как уносит мокрый ветер что-то белое, мелкое, и спросил, все ли в порядке.

– Не отвлекайся, – хриплым, чужим голосом ответил Стас, – дорога мокрая.

* * *

Владимир Марленович связался по телефону с шофером Гошей. Это был его человек, он ушел из органов в двадцать семь лет в чине капитана и вот уже два года обслуживал генеральского сына. Отставной генерал полностью доверял ему, но не мог получать от него исчерпывающую информацию о своем Стасе, поскольку тот обожал водить сам, имел три автомобиля и услугами шофера пользовался редко. Генерал надеялся, что после пережитого стресса сын не рискнет сесть за руль, вызовет шофера. И не ошибся.

Гоша заверил его, что со Стасом все нормально, и доложил, что их светлость изволит принимать оздоровительные процедуры в закрытом комплексе «Аполло».

– Но только я вам ничего не говорил, товарищ генерал. Стас запретил мне сообщать кому-либо, где он.

– Даже мне? – с усмешкой уточнил Герасимов.

– Виноват, Владимир Марленович. Даже вам.

– Ну паршивец! Здесь мать с ума сходит, мог хотя бы ей позвонить. Он рассказал тебе, в чем дело?

– Нет. Он позвонил около двух. Сказал, чтобы я к половине седьмого подъехал к оздоровительному комплексу и ждал его на стоянке.

– И все?

– Все, товарищ генерал.

– Ты уже знаешь, что случилось сегодня ночью?

– Знаю.

– Ну и что думаешь?

– Думаю, приказал его кто-то, товарищ генерал.

– Болван, – раздраженно выкрикнул Владимир Марленович, – это я и без тебя знаю. Кто? Почему? Вот главное. Кто и почему? Понимаешь ты или нет?

– Понимаю, товарищ генерал.

– Ладно, Гоша, передай ему, что мы с матерью волнуемся, пусть сразу звонит.

Дома Владимира Марленовича ждал следователь Чижов, крепкий круглолицый весельчак. Он все время усмехался и потирал широкие сухие ладони. Генерала эта неуместная бодрость раздражала, он решил, что расследованием покушения должны заниматься более серьезные люди. Слава богу, у него остались надежные теплые связи в родном ведомстве. Он не считал нужным сообщать Чижову, что Стас отправился в оздоровительный комплекс.

Пока они беседовали, у жены начался острейший приступ бронхиальной астмы. Пришлось вызвать «Скорую». В больницу Наталья Марковна ехать отказалась. Врач купировал приступ, велел не нервничать и оставаться в постели.

– Деточка моя, мальчик, Стасик, да как же так? – повторяла Наташа, лежа под капельницей. По пухлым землистым

щекам текли слезы.

– Прекрати! – не выдержал Владимир Марленович. – Девочке твоей тридцать шесть лет! Ты сама во всем виновата! Избаловала сучонка не знаю как!

Наташа заплакала еще горше, начала задыхаться. Следователь Чижов имел наглость заглянуть в приоткрытую дверь и со своей гаденькой улыбкой произнести:

– Я, конечно, извиняюсь, не надо бы так, товарищ генерал, ей плохо, она все-таки мать.

– Я вас не задерживаю! – рывкнул Герасимов, громко хлопнул дверь у него перед носом, сел к Наташе на кровать и заставил себя погладить ее по волосам.

Волосы давно стали седыми, Наташа упрямо красила их смесью хны и басмы. Получался отвратительный фальшиво-каштановый цвет. Сквозь жидкие завитые прядки просвечивала кожа. Раньше он не замечал этого.

– Иди, Володенька, иди. Надо проводить человека, – пробормотала она, не открывая глаз и мучительно оскалившись.

«Господи, почему я вдруг стал все это видеть – короткие редкие ресницы, грубые морщины, рыжие расплывчатые пятна старческой пигментации и неестественно сверкающий на этом тоскливом фоне фарфор искусственных зубов? Почему именно сейчас? Почему так ясно, так беспощадно?» – подумал генерал, тяжело поднялся и отправился в прихожую провожать Чижова.

Весельчак следователь аккуратно поставил тапочки на

обувную полку, присев на корточки, принялся завязывать шнурки на ботинках. Владимир Марленович, привалившись плечом к косяку, молча наблюдал за ним.

– Стало быть, вы не знаете, где может находиться Станислав Владимирович? – Он поднял на генерала блестящие карие глаза. Тот молча помотал головой. – Плохо, – вздохнул следователь, выпрямляясь, – очень плохо, товарищ генерал. Время уходит, информации пока никакой. – Он надел свою дешевую потертую кожанку и протянул руку: – Всего доброго, товарищ генерал. Рад был познакомиться. Обстоятельства, конечно, не самые приятные, но ничего. Будем работать, искать.

Генерал вяло ответил на рукопожатие, заметив про себя с завистливым раздражением, какая у этого весельчака сухая теплая ладонь, сколько в нем здоровья и равнодушия, какой он румяный, ладный, жизнерадостный. Слишком жизнерадостный для следователя ФСБ.

Дверь хлопнула. Владимир Марленович заглянул в спальню. Наташа спала, открыв рот и глухо, по-стариковски похрапывая. Он закрылся в своем кабинете и принялся задумчиво листать записную книжку, выбирая, к кому из знакомых обратиться за помощью. Были генералы, ровесники или лет на десять моложе. Но он знал, что они всего лишь отдадут распоряжение подчиненным, а потом придется постоянно звонить, напоминать, чтобы контролировали расследование. Были и полковники, оперативники, но один работал в

зарубежном отделе, другой занимался наркотиками, третий курировал таможду, к четвертому не хотелось обращаться потому, что подлец и карьерист, пятый...

Перед глазами вспыхнула и замерцала яркая пульсирующая пелена. Имена, звания, цифры телефонных номеров стали расплываться. Затошнило и закружилась голова. Он вдруг вспомнил, совсем некстати, как в детстве лазал с мальчишками за кладбищенской земляникой. На погосте ягод росло много, крупных, сладких, невозможно было остановиться, и потом красно-зеленая рябь долго застилала глаза, сгущаясь к вечеру, перед сном. Куда ни посмотришь, везде мерещилась эта земляника. Бабушка говорила, ничего нельзя рвать и есть, что растет на кладбищенской земле, потому что это тревожит покойников, они сердятся и могут строго наказать. Володя был пионер и материалист, бабкиным глупым сказкам не верил. Однако зачем именно сейчас он вспомнил эту ерунду? Какая, к черту, земляника?

Опять на несколько минут он выпал из реальности и барахтался непонятно где. Эти стремительные путешествия вспять сквозь время пугали его все больше. Он не мог просто отмахнуться от странных провалов сознания. Они мешали сосредоточиться и омерзительно воняли старческим маразмом.

– Володенька! – Голос жены звучал слабо, далеко, как будто с другой планеты. Он сильно вздрогнул. Красно-зеленая земляничная рябь неохотно растаяла. Он отправился в

спальню. Наташа лежала, глядя в потолок широко открытыми воспаленными глазами. – Скажи, почему он ночевал в Конькове?

– Там живет Галина, – пожал плечами генерал, – помнишь ее? Маленькая, пухленькая, беленькая, внучка покойной Марии Петровны.

– Я знаю Галину. Почему он у нее ночевал? Она ведь давно замужем, муж армянин, ребенок в школу ходит.

Генерал заметил, что вертит в руках свою серебряную зажигалку «Зиппо», машинально открывает и закрывает крышку, крутит колесико. Не было ни пламени, ни искры. Кремень стерся, бензин кончился. Серебряный корпус стал тусклым и черным. Он очень редко брал в руки эту вещь, но серебро все равно окислилось.

– Володя, ты меня слышишь? – слабым жалобным голосом поинтересовалась жена. – Почему ты не отвечаешь мне?

– Прости. Я думаю, к кому из наших можно обратиться.

– Да, мне тоже не понравился этот следователь Чижов. Ты звонил Мише?

– Какому Мише?

– Ну, Мише Райскому. Он, кажется, уже давно полковник?

«Вот, оказывается, как все просто, – удивился Владимир Марленович, – почему мне сразу не пришло это в голову? Полковник Райский. Он занимается терроризмом. Взрывное устройство – это террор. Райский очень жесткий и хитрый

человек, но мне многим обязан. Семь лет работал под моим руководством».

Глава пятая

Шура Тихорецкая сидела за туалетным столиком, сжав ладонями щеки и подтянув кончиками пальцев к вискам уголки глаз. Губы ее беззвучно шевелились. Она напевала последний шлягер новомодной эстрадной звезды. На столике лежал телефон, и Шура смотрела на него не отрываясь, словно можно было усилием воли заставить его звонить.

От звонка зависела вся ее жизнь. Время замерло. Шура перестала петь, осторожно взяла в руки аппарат, проверила, работает ли. Работал. Но молчал. Шура взяла серый карандаш для глаз, нарисовала «стрелки» по ресничному краю, сначала по верхнему, потом по нижнему. Получилось вульгарно, но классно. Она отбросила карандаш, схватила губную помаду, нарисовала себе потрясающе сексуальные губы, приоткрыла рот, опустила веки, взглянула в зеркало исподлобья, долгим коровьим взглядом, произнесла тягучим низким, совершенно чужим голосом:

– А, это ты? Ну, привет, – и провела по губам кончиком языка. У помады был гадкий, сально-приторный вкус. Шура сморщилась. В зеркале отразилась такая потешная рожа, что она рассмеялась, сначала просто так, потом красиво закинув голову и оскалив зубы, как в рекламе зубной пасты.

Телефон беспощадно молчал. Шура встала и принялась ходить по комнате из угла в угол. Иногда она застывала у зер-

кала в выразительных позах, окидывала себя критическим взглядом, открывала шкаф, вытягивала какую-нибудь кофточку, прикладывала, надевала, снимала, брала другую, крутилась, изгибалась, меняя выражение лица, произнося разными голосами:

– Ну ты же знаешь, я тебя люблю... Ты что, совсем дурак? Ха-ха, как смешно! Слушай, отстань, пожалуйста...

Наконец ей надоело это. Она взглянула на часы, потом на молчащий телефон и заплакала горько, навзрыд. Плача, она продолжала смотреть на себя в зеркало, и от жалости к себе у нее началась настоящая истерика. В этот момент она совершенно искренне не хотела жить, в ее душе бушевал маленький глупый апокалипсис, вскипали океаны, стометровые цунами обрушивались на города, вулканы изрыгали огненную лаву, целые страны исчезали с лица земли и над дымящимися развалинами стояло круглое огненное облако, а в нем, как муха в янтаре, был замурован молчащий телефон.

Наплакавшись всласть, Шура отправилась в ванную, умылась, причесалась, еще немного погримасничала перед зеркалом, посмотрела на часы и охнула. Было девять вечера. Завтра ей предстояло писать четвертную контрольную по физике, а она еще не садилась за уроки. Бросившись назад, в комнату, она схватила рюкзак, принялась рыться в тетрадках и не нашла самого главного – списка тем и вопросов к контрольной. Может, забыла в парте, может, посеяла где-то, сейчас уже не важно. Оставалось позвонить кому-нибудь из

одноклассников, чтобы продиктовали по телефону. Не раздумывая, она набрала первый попавшийся номер из тех, что помнила наизусть, и услышала в трубке ломкий подростковый басок.

– Андрюша, привет, можешь мне продиктовать вопросы к контрошке?

Исписав пару страниц под его диктовку и положив трубку, Шура стала смеяться. Она хохотала долго, до слез, до икоты. Дело было в том, что она ждала звонка именно этого мальчика, своего одноклассника, Андрюши Литвинова. Сходила с ума, хотела умереть, потому что если он не звонил, значит, разлюбил ее и жизнь можно считать конченной. В этой буре эмоций затерялась простая мысль о том, что сегодня вторник, а по вторникам и пятницам Андрюша плавает в бассейне до половины девятого и дома появляется только в девять.

Нельзя сказать, чтобы Шура была серьезно влюблена в Андрюшу. Просто ей нравилось нравиться ему, он был красивый, умный, не матерился и не сплевывал сквозь зубы через слово, никогда не носил трикотажных штанов, спущенных до половины задницы, не ковырял прыщи на лице, у него их просто не было, в общем, не страдал дурацкими подростковыми комплексами, превращавшими большинство Шуриных ровесников в грубых придурков.

Когда он был рядом, провожал ее, звонил по двадцать раз за вечер, писал многозначительные записки и подкидывал в ее рюкзачок, она на него презрительно фыркала, делала вид,

что ей до смерти надоели его ухаживания. Но стоило ему хоть немного ослабить напор, Шура начинала бурно страдать, и если честно, то сама не знала, что приятней – надменно принимать поклонение Андрюши или страдать.

Прежде чем сесть за учебник, Шура съела холодную котлету прямо со сковородки, стоя у плиты и задумчиво глядя в темное окно. Потом, заметив на полке распечатанную пачку маминых сигарет, закурила. Курила она крайне редко, не затягиваясь, но сейчас очень уж захотелось. И разумеется, именно в этот момент тихо звякнул домофон. Шура едва успела загасить сигарету, распахнуть окно, прополоскать рот у кухонного крана, как дверь открылась. С пылающими щеками и колотящимся сердцем Шура отправилась в прихожую встречать маму.

Юлия Николаевна устало рухнула на табуретку и, прежде чем раздеться, несколько минут сидела, закрыв глаза. Шура опустилась перед ней на корточки и уткнулась лицом в ее колени, главным образом для того, чтобы мама не учуяла запах дыма у нее изо рта. Юлия Николаевна погладила дочь по голове и тихо спросила:

– Скажи, пожалуйста, ты знаешь певицу Анжелу?

– Да, а что? – Шура подняла лицо и удивленно взглянула на маму снизу вверх.

– Расскажи мне о ней.

– Приехала из Свердловска четыре года назад с парой неплохих песенок, нашла возможность раскрутиться, сняла

штук пять клипов. Вообще она ничего, прикольная, но, на мой взгляд, слишком уж отвязная. Хамит в интервью, рассказывает, какая она талантливая, как все ей завидуют. Раньше волосы перекрашивала раз в месяц, во все цвета радуги, а недавно вообще наголо обрилась. А что, она пришла к тебе в клинику? Неужели решила бюст увеличить?

– Ее привезли к нам на консультацию. У нее разбито лицо, поломан нос, повреждены мягкие ткани.

– Что, в катастрофу попала?

– Нет. Ее кто-то страшно избил, как будто нарочно изуродовал.

– Кошма-ар, – покачала головой Шура, – ну ты же, мамочка, гениальный хирург, ты ей личико починишь. Кстати, она сама виновата. У нее был любовник-чеченец, это наверняка его работа. – Шура тяжело вздохнула и принялась стягивать с мамы сапоги.

– погоди, Шура, а ты откуда знаешь о любовнике-чеченце?

– Ну откуда? Из прессы, конечно, – усмехнулась Шура, – то есть я думала, она сама нарочно распустила такой слух, для скандала. Во всех интервью ее об этом спрашивают, а она отрицает. Но значит, правда...

– Она говорит, ее избил какие-то неизвестные хулиганы. Слушай, Шура, а почему ты думаешь, что чеченец непременно зверь и бандит?

– Ну что ты, мамочка, – Шура вскинула ясные светло-ка-

рие глаза, – я совершенно так не думаю.

– Ладно. Ты ужинала? – Юлия Николаевна сунула ноги в тапочки и отправилась на кухню.

– Да. Котлету съела.

– Холодную. Со сковородки. А потом покурила.

Шура не стала этого отрицать, быстро закрыла окно, сообщила тихой скороговоркой, что завтра у нее контрольная по физике, сегодня она будет сидеть до часа ночи, и поскорей скрылась в своей комнате.

– Жалкое малодушное существо! – крикнула ей вслед Юлия Николаевна. – Я не собираюсь читать тебе лекции, я просто не дам тебе денег на те дурацкие клоунские ботинки, которые ты клянчишь!

Шура бегом вернулась в кухню.

– Ну мама, ты что! Я больше не буду! У нас у всего класса есть скетчерсы, это неприлично – не иметь скетчерсов! Они ужасно удобные, в них можно ходить и зимой, и летом, ну мамочка, ты же обещала!

– В четырнадцать лет курить рано, – холодно отчеканила Юлия Николаевна, – все, Шура, иди, готовься к контрольной.

– Ну мам!

– Я сказала – все!

Шура поплелась в комнату, нарочно волоча ноги и громко шаркая тапками. Оставшись одна, Юля включила магнитофон, в котором уже стояла кассета Луи Армстронга, при-

глушила звук, сварила себе крепкий кофе, точно так же, как Шура, съела котлету прямо со сковородки, покурила, отправилась в свою комнату и включила компьютер.

Совершенно не стоило садиться работать после такого тяжелого дня, но Юле очень хотелось подготовить и распечатать на принтере для Анжелы Болдянко наброски того обязательного образа, который можно слепить из сегодняшнего печального безобразия.

Она не заметила, как пролетело больше трех часов. Ей удалось наконец смоделировать лицо, показавшееся ей более всего похожим на прежнее, настоящее лицо Анжелы. Она включила принтер, но тут с монитора исчезло все, что должно мигать и двигаться.

Юля решила не паниковать, отправилась покурить на кухню, сварила себе еще кофе. Вернувшись к компьютеру, обнаружила все ту же мертвую неподвижность. Компьютер подло завис. Тошибовский красавец ноутбук, купленный месяц назад за четыре тысячи долларов, впал в кому. Монитор мерцал сизым мертвенным светом, при нажатии кнопок раздавался истерический писк.

Был четвертый час ночи. Оставалось смириться и лечь спать.

Юля обозвала компьютер мерзавцем, вырубилла его окончательно и отправилась в душ. Сквозь шум воды до нее донесся телефонный звонок. Иногда ей звонили ночами из клиники, если у кого-то из ее больных начинались острые

осложнения и дежурный врач не мог без нее обойтись. Но такое случилось крайне редко. Она закуталась в халат и прошлепала босиком на кухню, оставляя мокрые следы на полу.

– Да, я слушаю.

– Юлия Николаевна, извините за столь поздний звонок.

Вы будете оперировать Анжелу?

– Кто вы такой?

– Я ее продюсер. Меня зовут Геннадий Александрович. Я просто хотел с вами познакомиться.

– Откуда у вас мой домашний телефон?

– Я еще раз прошу прощения, – голос в трубке был мягким и вежливым, – как вам кажется, вы сумеете вернуть Анжеле лицо?

– Послушайте, Геннадий Александрович, почему вы звоните мне домой в такое время? Можно прийти в клинику днем, и я отвечу на все ваши вопросы.

В трубке неприятно усмехнулись и произнесли вежливо, очень медленно, почти по слогам:

– Не нервничайте, Юлия Николаевна. Работайте спокойно. Старайтесь не отвлекаться.

– Прошу вас больше меня не беспокоить, – точно таким же тоном отчеканила Юля и добавила: – По крайней мере дома и в столь неурочное время.

– Я постараюсь, – смиренно пообещал собеседник, – но все будет зависеть от вас, Юлия Николаевна. Прежде всего прошу вас не вступать в контакт с журналистами. Анжела –

звезда, и журналистов вокруг нее крутится много. Не надо отвечать на их вопросы. Не надо вообще ни с кем ничего обсуждать. За ваше молчание вы получите дополнительное вознаграждение, независимо от результатов операции. Надеюсь, вы хорошо меня поняли. Спасибо вам, Юлия Николаевна. Всего доброго. – В трубке зазвучали короткие гудки.

Юля вернулась в ванную. Ее сильно знобило, и озноб не проходил даже под горячим душем. Нехорошо звонить врачу домой в половине четвертого утра. Крайне неприятно, что звонивший имел возможность раздобыть ее домашний телефон. Но главное, ей открыто угрожали.

«Я не буду оперировать певичку! – сказала она себе, вылезая из душа и растираясь полотенцем. – Я завтра же откажусь. Зачем мне это надо, в конце концов?!»

* * *

Настал торжественный момент, когда доктор Аванесов и сестра Катя подняли майора Логинова и поставили на костыли. Обливаясь ледяным потом, он сделал три шага по палате. С тех пор каждый день он делал на один, на два шага больше.

Однажды вечером к нему явился посетитель, высокий, худой, подтянутый по-военному человек с приятным лицом и холодными глазами за стеклами очков в тонкой дорогой оправе. Он представился психологом, заявил, что будет проводить с ним индивидуальный курс психологической реабили-

литации. Звали его Михаил Евгеньевич. Он долго, подробно расспрашивал о самочувствии, интересовался, хорошо ли Сергей спит, не мучают ли кошмары, нет ли признаков депрессии.

– Вы отказались от обезболивающих препаратов. Почему?

– Не хочу подсесть на иглу.

– Но после хирургических операций всем дают обезболивающие, и далеко не каждый становится наркоманом. Или у вас есть какие-то особые причины? Вы уже попадали в наркотическую зависимость?

– Бог миловал.

– Тогда почему? Ведь вам очень больно.

– Я лучше потерплю.

– Боль не мешает вам спать?

– Я уже сказал, что сплю отлично.

– Вы помните, как попали сюда?

– Смутно.

– Можете хоть что-то рассказать?

– Лампы. Длинные лампы на потолке. Меня везли на каталке из операционной, и я думал, это был тот самый туннель, который описывают люди, пережившие клиническую смерть. Я был уверен, что умер, и не сразу понял, что жив.

– А до этого?

– До этого была операция. Гениальный доктор Гамлет Рубенович Аванесов спасал мои ноги. Интракорткальная трансплантация.

– Замечательно, – кивнул психолог, – я вижу, с памятью у вас все в порядке. Давайте попробуем вместе восстановить ход событий, с самого начала. Ваше имя, фамилия, год и место рождения, звание?

– Логинов Сергей Александрович, родился в Москве, пятого января тысяча девятьсот шестьдесят четвертого года. Майор Российской армии.

– Немного конкретней, пожалуйста.

– ГРУ, – тихо рявкнул Сергей.

– Хорошо. Где воевали?

– Афганистан, Таджикистан, Чечня.

В палате повисла тишина. Стало слышно, как за окном шепчется мокрая хвоя и стучит мелкий ледяной дождь по карнизу, кажется, первый дождь после зимы.

– Значит, это вы помните, – откашлявшись, проговорил наконец посетитель, – в таком случае должны помнить все остальное. Скажите, при каких обстоятельствах вы попали в плен к чеченским боевикам?

– А я был в плену у боевиков?

– Нет. Вы отдыхали на Канарах в пятизвездочном отеле. –

Опять последовала пауза.

Сергей успел заметить, что его собеседник – большой любитель многозначительных долгих пауз. С такими людьми беседовать неприятно, все время кажется, они подозревают тебя во вранье или пытаются получить от тебя что-то, чего ты дать не можешь и не хочешь. Тишина длилась минут пять,

не меньше. Сергей почти уснул, когда послышался вялый, глухой голос Михаила Евгеньевича:

– Ваш отряд был заброшен в район села Ассалах. Вы должны были захватить командира боевиков Исмаилова, но угодили в ловушку. Расскажите подробно, как это произошло.

– Послушайте, ведь вы представились психологом, вам надо меня психологически реабилитировать, а не допрашивать, – заметил Сергей, – операция была засекречена, мы с вами из разных ведомств. Зачем вам, психологу, чужие секреты?

– Ладно, я вижу, вы устали и раздражены. Мы вернемся к этому разговору, когда вы будете чувствовать себя лучше. – Михаил Евгеньевич поднялся и взглянул сверху вниз. Глаза его все так же не выражали ничего, кроме ледяного настороженного внимания. На миг почудилось, что это не живые человеческие глаза, а какие-то хитрые приборы, вмонтированные в глазницы и прикрытые стеклами очков. – Отдыхайте, майор, не мучайтесь сомнениями и лишними вопросами. Радуйтесь, что выжили и не превратились в беспомощного калеку. Вам здорово повезло. Сейчас вам надо восстанавливать силы. Впереди очень много дел. Всего доброго. Поправляйтесь.

Ровно в двенадцать Анжела скромно постучала в кабинет доктора Тихорецкой. На ней были все тот же черный платок и очки. Юлия Николаевна холодно поздоровалась. Анжела не стала садиться, сняла очки и подошла к большому зеркалу.

– Это же надо быть такой кретинкой, – произнесла она, внимательно себя разглядывая, – дома я снимала все зеркала, а те, что снять нельзя, залила пшикалкой с краской. Получилось красиво, что-то вроде абстрактной живописи. Во всяком случае, приятней смотреть, чем на себя. Но каждый раз, когда я вижу зеркало, мне кажется – вдруг там мое настоящее, прежнее лицо? Вдруг мне весь этот кошмар приснился? Раньше я себя разглядывала по сто раз в день. Могла страдать из-за прыщика или маленькой родинки. Кретинка. – Она стянула платок с головы, отошла от зеркала и уселась на стул.

– Анжела, мне звонил твой продюсер, – тихо сказала Юлия Николаевна.

– Да? И чего? – Анжела рассеянно накрутила на палец уголок платка.

– Он звонил мне домой в половине четвертого ночи, – уточнила Юля.

– Кто, Генка?! – Певица тут же вскочила, платок и очки

упали на пол. – Очень интересно. И что он вам сказал?

– Он требовал, чтобы я не общалась с журналистами и ни с кем не обсуждала ваши проблемы. Знаете, Анжела, я боюсь, вам придется обратиться к другому врачу.

Девушка несколько секунд молча глядела на Юлию Николаевну. Рот ее приоткрылся, глаза налились слезами. Наконец она произнесла изменившимся, хриплым голосом:

– Простите. Я сейчас. Я на минутку, – и вылетела из кабинета, оставив на полу черный комочек платка и очки.

Юля встала, подняла все это, положила на стул, отправилась в маленькую смежную комнату, открыла окно и закурила. Медсестра Вика села рядом на подоконник.

– Юлия Николаевна, вы что, серьезно хотите от нее отказаться?

– Хочу. Я всего лишь согласилась ей помочь, а мне стали угрожать. Зачем мне это нужно?

– Интересно, где этот продюсер взял ваш домашний телефон? Может, вы его Анжеле давали?

– Разумеется, нет.

– Мамонов не мог?

– Ни в коем случае, ты же знаешь, это один из железных законов нашей клиники: свой домашний номер врач может дать пациенту сам, если захочет. Но больше никто.

– Кошмар, – Вика покачала головой и выпустила несколько аккуратных колечек дыма, – вы Мамонову сказали?

– Нет еще. Думаю, он меня поймет.

– Она очень талантливая, – осторожно заметила Вика, – вокруг нее много всяких психов. Может, она вообще ни при чем?

– Может, и ни при чем. Не знаю.

В дверь постучали. Юля загасила сигарету и вернулась в кабинет. Анжела вошла вместе с маленьким, круглым и совершенно лысым мужчиной.

– Вот, я его привела! Это Гена, мой продюсер. Он вам не звонил.

– Абсолютная правда, – энергично закивал толстяк, – в четыре часа утра я спал как убитый. Никогда, никому я не стал бы звонить в такое время. Я что, сумасшедший? А главное, откуда я мог узнать ваш номер, если до этой минуты понятия не имел, как вас зовут?

У Гены был необыкновенно высокий фальцет, говорил он торопливо, вздохнув, с частым придыханием. С такими голосовыми данными практически невозможно сымитировать бархатный начальственный бас. Юлия Николаевна убедилась, что ночью беседовала с другим человеком.

– Кто же, в таком случае, мне звонил? – спросила она, переводя взгляд с продюсера на Анжелу.

– Мы это выясним, – решительно заявила певица, – клянусь, такое больше не повторится. Вы только не отказывайтесь от меня, пожалуйста.

В этот момент дверь открылась и в кабинет по-хозяйски вошел Мамонов. Он успел услышать последнюю фразу и

спросил елеинным голосом:

– Что, Юлия Николаевна, у нас опять проблемы?

– Добрый день, Петр Аркадьевич, – широко улыбнулась Юля, – да, у нас возникли некоторые проблемы. – Она рассказала о ночном звонке, а продюсер Гена еще раз сообщил, что кто-то другой назвался его именем.

Мамонов выслушал, хмурясь и озабоченно кивая, откашлялся и произнес:

– Да, неприятно. Однако это вовсе не повод, чтобы отказать человеку в лечении.

– Такое больше не повторится, – мрачно отчеканила Анжела, – вас, Юлия Николаевна, никто не побеспокоит. Если вы мне сейчас откажете, я не буду жить. Я не знаю, как жить с такой рожей.

За десять лет работы в пластической хирургии Юлия Николаевна научилась различать, когда угроза покончить с собой из-за дефектов внешности всего лишь угроза, а когда человек действительно готов умереть. В случае с певицей Анжелой речь шла не об увеличении груди или изменении формы носа, а о реальном уродстве, с которым в двадцать два года действительно невозможно смириться.

Все смотрели на доктора Тихорецкую. Она молчала. Конечно, можно просто забыть о безобразном ночном звонке и сегодня же начать готовить девочку к первой операции. Это будет правильно, и в общем Юля уже готова была сказать свое «да». Но что-то мешало.

– Я не единственный хирург-косметолог, – произнесла она, чувствуя, что тянет время, и с трудом понимая, зачем это делает, – не единственный и далеко не самый лучший.

– Не кокетничайте, – поморщился Мамонов, – решайте – да или нет.

– Да! – сердито рявкнула Юля.

Глава шестая

Полковник ФСБ Михаил Евгеньевич Райский появился в квартире Герасимовых ровно через час после того, как Владимир Марленович позвонил ему. По телефону он ничего объяснять не стал, просто сказал: «Миша, у меня беда, нужна твоя помощь».

Они не виделись года полтора, и полковник заметил, как сильно изменился его бывший начальник. Еще недавно он выглядел крепким спортивным стариком, играл в теннис, бегал по утрам, любил попариться в баньке. Теперь стал рыхлым, вялым, кожа приобрела нехороший землистый оттенок, под глазами набухли темные мешки, и глаза глядели так уныло, что хотелось отвести взгляд.

– Здравствуй, Миша. – Генерал слабо обнял его и повел в гостиную, где молодая застенчивая домработница Оксана накрывала кофейный столик.

– А где Наталья Марковна? – спросил Райский, усаживаясь в глубокое кресло и закручивая кренделем свои длинные тощие ноги.

– В спальне. Приболела, – отрывисто ответил генерал.

– Что такое? Опять астма?

– Да, был очень острый приступ. Но сейчас, слава богу, заснула.

– А вы сами как себя чувствуете?

– Ох, Миша, не спрашивай, – вздохнул генерал, – ну как я могу себя чувствовать, если моему драгоценному засранцу прицепили взрывчатку к днищу машины?

Горничная Оксана налила полковнику крепкий кофе, генералу жидкий чай с мятой и бесшумно удалилась. Несколько секунд оба молчали. Райский осторожно пригубил кофе, кинул в рот шоколадную конфету. Он уже понял, что засранец Стас Герасимов, единственный сын генерала, уцелел. В противном случае все в этом доме выглядело бы не так обыденно и старик разговаривал бы совсем иначе.

– На взрыв наши выезжали или милиция? – спросил Райский, дожевывая конфету.

– Не было никакого взрыва. Стас увидел с балкона, как возятся у машины двое в трикотажных шапках, и догадался вызвать милицию. Хотя бы на это мозгов хватило. Приехали и милиционеры, и наши. Следователь Чижов из районного управления. Не знаешь такого? – Генерал брезгливо поморщился.

– Нет. Вам с Натальей Марковной он не внушил доверия? – догадался Райский.

– Какое там доверие? Шут гороховый. Хихикает, будто его все время кто-то щекочет. Не надо нам такого, Миша. Я ему ничего рассказывать не стал. Что толку?

– И правильно, – кивнул Райский, – в любом случае расследование должно проводиться на самом высоком уровне.

– Миша, я бы хотел, чтобы ты занялся этим, – тихо произ-

нес генерал и отбил короткими пальцами дробь по стеклянной столешнице, – думаю, у твоего начальства возражений не будет.

– Конечно, Владимир Марленович.

Генерал подробно и четко изложил Райскому все от начала до конца.

– Да, повезло, – покачал головой полковник, – а где же он сам?

– Расслабляется, – генерал криво усмехнулся, – день провел в оздоровительном комплексе, потом отправился с очередной бабой в ресторан, у нее, вероятно, и заночует.

– И много их у него?

– Ну, штуки три точно есть. Две постоянные и обязательно какая-нибудь одна временная.

– Вы с Натальей Марковной знаете хотя бы двух постоянных?

– Одну. Ту, у которой он ночевал, когда все произошло, – мрачно пробормотал генерал.

Райский давно заметил, что генерал не курит. Раньше он дымил каждые полчаса, предпочитал крепкий американский «Кэмел». Теперь даже пепельница на столе не стояла. Полковнику после чашки крепкого кофе очень хотелось закурить, и он решился вытащить свою пачку.

– Прости, Миша. Только на балконе, – развел руками Владимир Марленович, – я, видишь ли, недавно бросил и пока очень болезненно отношусь к дыму. Хочется, но нельзя.

Они вышли на балкон. Райский закурил. Генерал глядел в желтоватое вечернее небо и жадно вдыхал запах дыма.

– Женщина, у которой ночевал Стас, замужем, – проговорил он, обращаясь скорее к смутному шпилю Останкинской башни, чем к своему собеседнику, – ее зовут Галина, по мужу Качерян. Она внучка няни Стаса. Ей было пятнадцать, когда мой засранец впервые переспал с ней. И до сих пор спит иногда. Сейчас ей тридцать. Муж армянин, художник, работает у Стаса на фирме. Есть ребенок, мальчик.

– Где же были муж и ребенок, когда Стас там ночевал? – быстро спросил Райский.

– Ребенок у бабушки, муж в командировке.

– Погодите, Владимир Марленович, получается, у вашего сына пятнадцать лет длится роман с этой Галиной и муж ни о чем не догадывается?

– Миша, там нет никакого романа, – генерал раздраженно повысил голос, – он с ней просто спит иногда, и все.

– Ну хорошо. Не важно, как это называть. Она успела выйти замуж, родить ребенка, Стас взял ее мужа к себе на фирму, и тот не подозревает...

– Откуда я знаю, черт возьми, подозревает он или нет?! – Старик так закричал, что Райскому стало его жаль.

– Может, все совсем просто? Армяне – люди горячие, ревнивые, – осторожно предположил он.

– Может быть, – кивнул генерал, уже вполне спокойно, – я тоже думал об этом. Но во-первых, Рубен Качерян страшно

дорожит своей работой, а во-вторых, командировка весьма сомнительная. Он уехал в Петербург. Он постоянно туда ездит. Там у него вторая, неофициальная семья.

Полковник тихо присвистнул, загасил сигарету.

– Ого! Откуда у вас такие подробные сведения?

– От Стаса. Как-то проговорился случайно.

– Случайно ли? – Райский попытался взглянуть генералу в лицо, но видел только темный невыразительный профиль. – Зная вас, Владимир Марленович, я могу представить, как вы осуждаете сына за эти отношения. Может, он просто выдумал историю про вторую семью художника Качеряна, чтобы как-то оправдаться перед вами?

– Ничего он не выдумал, – поморщился генерал, – во-первых, мой сын никогда не брал на себя труд оправдываться передо мной и перед матерью, а во-вторых, это было несложно проверить. О второй семье Качеряна знают почти все на фирме. А жена его, между прочим, не догадывается. В такой ситуации вполне логично предположить, что муж, в свою очередь, понятия не имеет о ее личной жизни, – генерал произнес это резко, брезгливо, у него даже голос изменился.

– Пойдемте в комнату, Владимир Марленович. Холодно. Вдруг простудитесь? – предложил Райский после долгой тягостной паузы.

– Что это ты, Мишка, со мной разговариваешь как с немощным стариком? Ты точно так же можешь простудиться, – проворчал генерал уже своим нормальным, началь-

ственным баритоном.

Они вошли в комнату, Владимир Марленович прикрыл балконную дверь и тяжело плюхнулся в кресло.

– Значит, армянская ревность у нас отпадает? – весело спросил Райский, усаживаясь напротив.

– К сожалению, да. Хочешь еще кофейку?

– Не откажусь.

– Тогда сходи на кухню, попроси Оксану сварить. Я бы позвал ее, но орать нельзя. Наташа спит.

– Нет, я уже не сплю. Здравствуй, Мишенька, рада тебя видеть. – Наталья Марковна, шаркая, вошла в гостиную. На ней был теплый стеганый халат.

Генерал с благодарностью отметил, что она успела расчесать волосы и умыться лицом. Райский поспешно поднялся навстречу, поцеловал ей руку, спросил о самочувствии.

– Жить буду, – улыбнулась она, – прости за такой домашний вид. Хочешь кофе? Я уже сказала Оксане, она варит. Володя, ты все рассказал?

– Почти, – кивнул генерал.

– И что ты думаешь, Миша? – Она опустилась в кресло, расправила полы халата и впиалась в лицо Райского большими красными глазами.

– Я пока слишком мало знаю, чтобы делать выводы. С работой фирмы это не может быть связано, как вам кажется?

– Исключено, – помотал головой генерал, – там все под моим контролем.

– Знаете, у меня почему-то не идет из головы эта девочка, эстрадная певица, – пробормотала Наталья Марковна.

– Какая певица? – Генерал нахмурился и повысил голос. – Ты мне ничего не рассказывала.

– Прости. Я была уверена, что оно того не стоит. Я вообще думаю, это просто сплетня. Нет, лучше не надо. Ерунда. – Наталья Марковна смутилась и даже покраснела слегка.

– Сейчас ничего нельзя считать ерундой! Все важно, абсолютно все! Ты поняла меня, Наташа?! – закричал генерал и поднялся с кресла.

– Володя, ты же терпеть не можешь, когда я делюсь с тобой всякими бабскими разговорами, – жалобно простонала Наталья Марковна, – мы просто болтали с Оксаной на кухне. Она показала мне какой-то дурацкий журнал, там сплошные сплетни. – На пороге появилась домработница с подносом, и Наталья Марковна обрадовалась: – Оксана, детка, у тебя сохранился тот журнал, где фотография Стаса рядом с лысой певичкой?

– Я не помню, – испуганно пролепетала девушка, – вот кофе и чай для вас, – она поспешно поставила поднос на стол. Генерал тронул ее за руку и попросил:

– Пожалуйста, попытайся вспомнить. Ты ведь знаешь, какая у нас беда, и должна понимать, что сейчас все важно. Абсолютно все. Что за певица? В каком журнале был снимок?

– Ладно, ладно, я попробую. – Оксана уставилась в потолок и, помолчав несколько секунд, выпалила: – Журнал на-

зывается «Короче». Там был фоторепортаж с какой-то клубной тусовки. На одной фотографии певица Анжела со Станиславом Владимировичем, их засняли в довольно неприличной позе, и там еще подпись такая, ужас. Мне даже неудобно рассказывать.

– Давай, не стесняйся! – мрачно подбодрил ее генерал.

– Ну понимаете, ее рука у Станислава Владимировича между ног, на ширинке, и написано вроде это: народу было много, места мало, и певице Анжеле пришлось оберегать самое ценное, что есть у ее новой любви, у предпринимателя Стаса Герасимова. – Бедная девушка, пока произносила это, покраснела до слез и старалась ни с кем не встретиться глазами.

– Да, да, – грустно кивнула Наталья Марковна, – там именно такой текст.

– У тебя сохранился журнал? – спросил Владимир Марленович.

– Нет. Он старый, еще февральский. Я его выкинула. Я вообще таких журналов не читаю, просто случайно купила в метро, из-за телепрограммы, увидела снимок и принесла Наталье Марковне показать. Вы, Наталья Марковна, сами мне сказали: выкинь эту мерзость.

– Да, конечно, – кивнула генеральша, – я так сказала. Спасибо, деточка.

Оксана побежала вон из гостиной, но генерал окликнул ее:

– Погоди, сядь и расскажи, что за певица.

Девушка поплелась назад, неловко опустилась на краешек кресла:

– Ну я не знаю, я не особенно увлекаюсь попсовой эстрадой. Просто певица, и все. Их столько сейчас... Эта Анжела, она вроде совсем молодая, ей лет двадцать, наверное. Голос ничего, есть пара неплохих клипов. Говорят, ее какой-то чеченец раскрутил, то есть вложил деньги в ее первые клипы, но про всех звезд что-нибудь такое говорят...

– Чеченец? – прошептала Наталья Марковна. – Господи, теперь все понятно!

– Что тебе понятно?! – взревел генерал. – Тут сидят два профессионала, а ты лезешь со своим идиотским «понятно»!

– Володя, почему ты на меня кричишь? – тихо спросила Наталья Марковна. – Давай-ка выпей валерьяночки. Миша, вы извините его, он устал и нездоров, – обратилась она к Райскому. Тот рассеянно кивнул в ответ.

Последние несколько минут он сидел молча, перестал задавать вопросы и только слегка покачивал ногой. Свет лампы отражался в стеклах его очков, и никто не видел, как застыли его светлые глаза, как резко сузились зрачки.

Генерал открыл рот, чтобы крикнуть еще что-то, но тут раздался тяжелый грохот. От порыва ветра хлопнула балконная дверь, и большое зеркало соскользнуло с деревянной основы. Осколки с грохотом хлынули на антикварный комод, сбивая с него шкатулки, вазочки, статуэтки.

Первым опомнился полковник. Он встал, оглядел гладкую полированную доску и покачал головой:

– Удивительно, как это раньше не произошло. Стекло держалось на нескольких каплях клея и даже не было закреплено рамой. Ну и халтура!

Генерал и генеральша сидели оглушенные, притихшие. Оксана кинулась в кухню за веником.

– Наталья! Не смей! – вдруг закричал Владимир Марленович так, что зазвенели подвески люстры. – Прекрати сейчас же! Я запрещаю тебе!

– Что, Володя, что ты мне запрещаешь? – испуганно прошелестела Наталья Марковна.

– Думать об этом запрещаю! – У генерала тряслись щеки и вздыбился седой пушок на лысине. – Не верь! Глупости! Предрассудки! Бабье суеверие! Поняла? Повтори!

– Да, Володенька, да. Я не буду, – тихо всхлипнула генеральша, – глупости, бабье суеверие.

* * *

Настал день, когда костыли сменили на палку, выдали кроссовки и спортивный костюм. Сергей впервые вышел на свежий воздух и, опираясь на палку, прошагал около сотни метров по узкой асфальтовой тропинке вдоль бетонного забора. Забор был высокий, по верху шло три слоя колючки. За деревьями Сергей заметил четыре новеньких финских до-

мика. Сам госпиталь представлял собой трехэтажную кирпичную коробку. Рядом стояла точно такая же коробка, но украшенная антеннами и тарелками спутниковой связи.

Кругом был лес, он потихоньку оживал, наливался зыбким обманчивым теплом и бледными предвесенними красками. Земля все еще была покрыта мутной зернистой коркой старого снега. На редких подсохших проталинах, как испуганные призраки, дрожали под ветром мертвые стебли прошлогодней травы. Дни были еще по-зимнему ледяные, мрачные, но по утрам и в сумерках прояснялось, выплывало солнце, и Сергей вскидывал к нему лицо, закрывал глаза, жадно ловил первые теплые лучи.

Совсем близко слышался мерный гул электрички, и ему стало казаться, что секретный объект за бетонным забором значительно ближе к Москве и вовсе это не граница области. Но он уже знал, что никого ни о чем нельзя спрашивать, и привык молчать.

С каждым днем он чувствовал себя все лучше. Отправляясь на утренние прогулки, он стал забывать палку. Он удивительно быстро шел на поправку. Вскоре прогулки сменились пробежками. Из госпитального бокса его переселили в финский домик, где кроме него жили еще пять человек, каждый в отдельной комнате. Знакомясь, они называли свои имена, но не сообщали фамилий и званий. Сергей знал, что ребята эти – кадровые офицеры ФСБ и здесь просто отдыхают, поправляют здоровье после ранений.

Вместе со всеми Сергей качал мышцы на тренажерах, стрелял в тире, бегал, прыгал, парился в сауне. Он изматывал себя физически и старался не думать ни о прошлом, ни о будущем. Но однажды ночью он проснулся в холодном поту от собственного крика и обнаружил, что уже не лежит на койке под одеялом, а стоит посреди комнаты и рука его занесена для смертельного удара. Еще секунда, и он расшиб бы ребром ладони деревянную раму приоткрытого окна. Окно поскрипывало от легкого ветра, в стекле причудливо отражались тяжелые сосновые ветви, подсвеченные полной луной.

Ему приснилось, как у него на глазах пытаются старлея Колю Курочкина. До утра он больше не мог сомкнуть глаз. За завтраком он косился на соседей, ожидая, что кто-нибудь спросит, чего это он орал во сне и скакал по комнате. Но никто не спросил.

День начался и продолжился как обычно. Сергей старался измотать себя тренировками, но, качая мышцы, обливаясь потом, он вдруг ясно услышал голос капитана Васи Громова. Вася хрипло напевал блатную песенку: «Сколько я зарезал, сколько перерезал, сколько милых душ я загубил...» В последнюю неделю плена капитан Громов постоянно бормотал что-то. Насупившись, декламировал стихи Некрасова, которые учил в младших классах школы, иногда матерился уныло и невнятно, а то начинал молиться, так горячо и жалобно, что, казалось, Господь не мог его не услышать.

Капитана Громова уже не было на свете, но хриплый голос жил. Сергей слышал его отчетливей, чем голоса офицеров, находившихся рядом с ним в спортивном зале. Он продолжал качать пресс, он заставил себя не зажимать уши, не закрывать глаза и не орать, как смертельно раненное животное. Он молча, сосредоточенно качал пресс.

Дело не в крови, которая била пульсирующей струей из перерубленных артерий, и даже не в хрустящем, кричающем звуке, который сопровождал падение топора на оголенную шею. Да, кровь долго еще стояла темно-красной пеленой перед глазами, и звук стоял в ушах несколько недель, но дело в другом. Лицо человека, казнившего сначала старлея Курочкина, потом капитана Громова, было строгим и сосредоточенным, как если бы он рубил дрова и боялся попасть себе по пальцам. Он старался казнить правильно. Красиво. Он щеголял мастерством, размеренностью, точностью движений. Зрителей было много. Собрался весь отряд, чтобы посмотреть. Принесли видеокамеру и все засняли.

Они вообще любили снимать. Не только пытки и казни, но самих себя – как они едят, как тренируются, как празднуют свои праздники, жарят шашлык из молодого барашка, как молятся перед боем, перед пытками, перед сном.

Сергей медленно, тяжело подтягивался на турнике и еще медленней опускался, десять раз, пятнадцать, двадцать. Глаза были залиты потом, и в радужной соленой пелене возникло лицо человека, который казнил старлея и капитана. Оно

проступало так отчетливо, что были видны морщины между толстыми подвижными бровями, широкие поры на смуглой грубой коже, глаза оттенка ржавчины, алый лопнувший сосуд в углу, на глазном белке. Майор Логинов видел все так ясно, словно находился не в спортивном зале, а сидел на земле у дерева, под бледным ноябрьским небом, неподалеку от сожженного горного села Ассалах.

В затылок ему уперлось дуло автомата. В ноздри ударил запах жареной баранины. После казни предполагалось очередное застолье, и на жаровне во дворе ближайшего дома жарился шашлык. У него были крепко связаны руки, а длинный конец веревки обмотан вокруг дерева. Но им казалось, этого мало, и они приставили к нему мальчишку лет шестнадцати с автоматом. Мальчишка громко цыкал зубом, сплевывал у него за спиной и уныло напевал себе под нос какую-то нудную восточную мелодию. Голос у него был высокий, гнуса-вый, он стоял и пел, пел...

В очередной раз подтягиваясь на турнике, Сергей вдруг перестал чувствовать кисти рук, словно они действительно затекли от веревок, и упал на жесткий мат. Это было не воспоминание. Каждая его клетка подробно проживала все, от начала до конца.

Несколько минут он лежал, глядя в потолок спортзала и потирая запястья. Кровь потихоньку начинала циркулировать. Пальцы покраснели и распухли. На запястьях проступили вишневые глубокие рубцы, следы веревок.

Спутница Стаса Эвелина была жгучая брюнетка двухметрового роста, тонкая, ломкая, словно вся состояла из деревянных палочек. В полумраке ресторанный зала ее черные глаза казались провалами в тоскливую глухую пустоту. При малейшем движении ее суставы хрустели так, что становилось страшно – вот-вот что-нибудь отломится.

Она ела за двоих, опрокидывала в рот бокалы с вином, быстро, жадно, но совсем не пьянела. Нервными длинными пальцами она сдирала панцирь с королевской кровати и рассказывала, как соседи сверху затеяли ремонт. Мало того что стоит грохот с утра до вечера, еще и вся лестница в известке. А некая предприимчивая подруга купила в Германии автомобиль, и что-то там страшно бюрократическое случилось на таможне. Другая подруга познакомилась с шикарным бизнесменом, уже строила брачные планы, но он оказался банальным квартирным мошенником, и в общем, в этом ничего нет удивительного, поскольку подруга, глупая-старая-страшная, не должна была терять чувство реальности.

– Кстати, как твой бурный роман с этой лысой певичкой? – Эвелина сморщила нос и нервно защелкала пальцами. – Ну как ее? Жанна? Жозефина?

– Анжела, – сквозь зубы процедил Стас, – ее зовут Анже-

ла. Никакого романа нет.

– Ой, вот только не надо скромничать, мы с тобой взрослые люди. Я просто давно хотела тебя предостеречь. С такими крошками следует держать ухо востро. Будь осторожней, ладно?

– В каком смысле?

– Ну, я не знаю, наркотики, приятели-бандиты, СПИД, сифилис.

– У меня никакого романа с певицей Анжелой нет, и хватит об этом! – жестко прервал ее Стас.

– Но ведь был? – прищурилась Эвелина. – Я тут в каком-то журнальчике читала, что бедняжку страшно избили, изуродовали лицо. Теперь она не скоро появится на сцене. Жалко, конечно, но наверняка сама виновата. При таком образе жизни надо быть готовой ко всему. Что ты на меня так смотришь? Тебе небось было бы приятно, если бы я ревновала. Но нет, родной, не дождешься, мы с тобой слишком давно и хорошо знаем друг друга.

Стас ничего не ответил. Он терпел эту болтовню только потому, что сегодня ему надо было переночевать у Эвелины, и с легким сожалением вспоминал, какой она была лет пять назад, когда работала моделью в престижном агентстве, снималась нагишом и почему-то казалась значительно умней. Но нельзя работать моделью, когда подваливает к сорока, то есть Эвелина, возможно, поснималась бы еще, но было такое множество других, юных, свежих, готовых на все,

что ей пришлось уйти. Мужа и детей она никогда не имела, все ее родственники жили в Саратове, откуда она приехала в Москву двадцать три года назад. Кроме кучи разнообразных ненадежных подружек и двух-трех непостоянных любовников у нее никого не было.

Промаявшись год без работы, она взялась писать любовные романы. Получалось у нее лихо, во всяком случае быстро. В год она выдавала от трех до пяти трогательных дамских историй, получала тысячу долларов за каждую. Всякий раз, проезжая мимо книжных развалов, останавливала машину, чтобы посмотреть, есть ли среди прочих ее тонкие книжицы с розами, бабочками и роковыми красавицами на обложках. Книжки лежали, иногда их кто-нибудь покупал у нее на глазах, и ее острые скулы заливались горячим румянцем.

Она могла бы жить вполне сносно, если бы не сжигала ее зависть к более успешным коллегам. Стоило при ней произнести какое-нибудь популярное имя, и ее смуглое подвижное лицо становилось землистым, черные глаза остро прищуривались, пухлый вишневый рот сжимался в ниточку. Эвелина раздражалась хриплым отрывистым монологом, беспощадно разоблачала жульнические ухищрения литературных счастливцев и так искренне, так страстно страдала из-за чужих успехов, что иногда дело кончалось сосудистым кризом.

Стас не читал ни строчки из романов своей подруги. Он вообще ничего не читал, кроме журналов по дизайну и ком-

пьютерной графике. Но ему нравилось иногда от скуки злить Эвелину, он произносил имя какого-нибудь успешного автора и наслаждался маленьким спектаклем. Впрочем, даже если он не произносил никакого имени, то разговор все равно сползал к проблемам массовой литературы. Так случилось и сейчас.

– Да, кстати, – промокнув салфеткой губы, хрипло пропела Эвелина, – я тут как-то случайно включаю телевизор, а там сидит этот лысый боров и рассказывает, как его обожают читатели, сколько писем ему пишут, как на улице узнают, а он, бедняжка, видишь ли, устал от собственной бешеной популярности. Врет, скотина такая, честно глядя в камеру своими свинячьими глазенками, врет, зараза, в прямом эфире.

– А что ты от него хочешь? Он бездарная сволоочь, читать его совершенно невозможно, – кивнул Стас, хотя понятия не имел, о ком идет речь.

Эвелина забыла о кофе и принялась возбужденно рассказывать, сколько денег было вложено в раскрутку «лысого борова» и как нагло, как бессовестно проводилась рекламная кампания. Доверчивому читателю вдалбливали, что этот писатель самый лучший, настоящий гений и теперь Достоевский, Чехов, Булгаков, Набоков – все одновременно переворачиваются в гробах от зависти, а нынешним литераторам остается только застрелиться от стыда за свое жалкое графоманство. Это откладывается в подкорке, и покупают, покупают, черт бы их всех побрал. Стас совершенно прав, когда

говорит, что на самом деле он врун и сволочь, и если открыть любую страницу, то сразу умрешь от скуки, потому что писать он ни хрена не умеет.

Эвелина много раз, брезгливо морщась, повторяла имя писателя, получая от этого острое мазохистское удовольствие. Имя было настолько модное, что даже Стас знал, что такой писатель действительно есть. Она говорила очень громко, почти кричала, и вдруг Стас заметил, как странно застыли люди за соседним столиком. Их было четверо, трое мужчин и женщина. И все молча смотрели на Эвелину, которая сидела к ним спиной. Стас обратил внимание, что один из мужчин лыс, толст, в его грубом лице действительно есть нечто свинячье и очень знакомое, нечто примелькавшееся на телеэкране и на глянцевых журнальных страницах.

«Не может быть!» – весело подумал Стас.

Он дал Эвелине накричаться вдоволь и только когда она замолчала, чтобы перевести дух и прикурить, еле слышно произнес:

– А теперь обернись.

Эвелина резко развернулась, хрустнув суставами. Стасу стало жаль, что в этот момент он видел только ее смоляной стриженный затылок и длинную, перекрученную жгутом шею. В такой позе она просидела довольно долго, поскольку была близорука. За соседним столом все еще молчали. Наконец Эвелина повернулась к нему лицом, и Стас не заметил ничего, кроме широкой, торжествующей улыбки.

– Должен же человек хоть раз услышать о себе правду! – сказала она и хрипло расхохоталась.

Между тем официант принес счет. Стас, не глядя, вложил кредитку в кожаную папку. Ему стало совсем хорошо, перспектива провести ночь с хрустящей Эвелиной уже не вызвала прежней грусти, а главное, окончательно исчез противный дрожащий страх. Стас накрыл ладонью холодную длинную кисть Эвелины и слегка погладил ее пальцы.

– Ты прелесть, Линка, мне с тобой так комфортно.

– Спасибо, солнышко, – усмехнулась она в ответ.

За соседним столом о чем-то тихо беседовали и в их сторону уже не смотрели. Подошел официант, и Стас спохватился, что не положил вместе с карточкой чаевые, полез в бумажник, но там оказалось несколько совсем мелких купюр.

– У тебя нет рублей пятисот? – небрежно спросил он Эвелину.

– Да, конечно. – Она открыла сумочку.

Официант наклонился к уху Стаса и виновато произнес:

– Извините, пожалуйста, ваша карточка заблокирована.

– Что? – не понял Стас.

Официант показал ему чек, Стас поднес его к глазам, долго не мог прочитать мелкий английский текст, наконец понял, вытащил из бумажника другую кредитку. Официант взял ее и удалился.

– Бред, – пожал плечами Стас, – у меня там куча денег.

– Не напрягайся, – улыбнулась Эвелина, – завтра позво-

нишь в банк и все выяснишь.

Официант вернулся, молча протянул карточку и еще один чек. Там был такой же текст.

– Может, вы расплатитесь наличными? – сухо предложил он.

– Да нет, ну это маразм какой-то! – нервно рассмеялся Стас. – У вас что-то случилось с аппаратом.

– Вот, попробуйте мою карточку, – Эвелина шлепнула на стол синюю «Визу».

– Попробовать или снять сумму по счету? – уточнил официант.

– О господи, – презрительно прохрипела Эвелина. – Конечно, снимайте сумму. Мы же не собираемся у вас сидеть до завтра.

С ее кредиткой было все нормально. У Стаса неприятно зашекотало в желудке. В огромном зеркале в гардеробе он увидел свою бледно-зеленую физиономию. Страх вернулся.

– Не бери в голову, – Эвелина нежно погладила его по щеке, – такое бывает иногда. Ошибка в компьютере, мало ли...

– Это карточки двух разных банков, не могут ошибиться сразу два компьютера.

– Значит, ты исчерпал месячный лимит.

– Нет у меня никакого лимита, куча денег на обеих карточках, все должно быть нормально! – рявкнул Стас так, словно Эвелина была во всем виновата.

Они вышли под морозящий дождь. Стас взял Эвелину под руку и повел ее к черному «Мерседесу». Стоянка у отеля была забита, и шоферу Гоше пришлось встать довольно далеко, за квартал от ресторана. Эвелина на своих тонких каблучках неловко обходила лужи, один раз чуть не упала, споткнувшись о бордюр тротуара.

– Черт, а я, кажется, пьяная слегка, – весело сообщила она, – слушай, что за белую дрянь мы с тобой пили?

– Забыл. Что-то французское.

Гоша спал на своем водительском месте, откинувшись на подголовник. Окно было наполовину опущено, Стас легонько стукнул по стеклу костяшками пальцев.

– Эй, служивый, подъем! – пьяно пропела Эвелина.

Гоша не шевельнулся. Огни проехавшей машины высветили его запрокинутый профиль. Стас заметил, что рот у него открыт. Когда загорелся красный, остановились на перекрестке машины, и стало тихо, Стас явственно расслышал, что из салона «Мерседеса» раздается тихий унылый щебет.

– У него мобильник заливается, – шепотом сообщил он Эвелине, – это же надо так крепко вырубиться! – Он дернул ручку, но двери оказались заблокированы. – Гоша, проснись, наконец! – крикнул он, приблизив лицо к открытому окну.

Эвелина отстранила его, сунула в окно руку и щелкнула зажигалкой перед лицом шофера. В дрожащем свете они оба увидели тусклые приоткрытые глаза и аккуратную черную дыру посередине лба. Эвелина выдернула руку из салона и

громко, хрипло закричала. Стасу показалось, что его парализовало и он лишился дара речи. Хотел подхватить покачнувшуюся Эвелину, но не мог шевельнуться. Хотел что-то сказать или крикнуть, но вместо голоса была тишина.

Глава седьмая

Петр Аркадьевич Мамонов сидел не за столом, как обычно, а в широком кожаном кресле, вальяжно раскинувшись, и, что самое удивительное, курил сигару. Юля застыла на пороге кабинета.

– Да, я курю сигару, – он счастливо улыбнулся, выпустил густой клуб дыма, – нечего на меня так смотреть. Сигара не такая вредная вещь, как сигареты. Главное не затягиваться.

Петр Аркадьевич Мамонов был яростным противником курения, измучил всех нудными лекциями и запретами, обо-жал рассказывать, как в бытность свою студентом медицинского института оставался единственным мальчиком на курсе, который сохранил в этом смысле невинность и ни разу не сделал ни затяжки, даже на пьянках в общеаге и после занятий в анатомичке.

– Ну и как? – спросила Юля, усаживаясь в кресло напротив. – Вкусно?

– Ничего, – Мамонов раскрошил свою сигару в пепельнице, – голова немного кружится и тошнит, а так ничего. Терпимо. Нервы успокаивает. Я, видите ли, очень нервничаю сегодня, Юлия Николаевна. По вашей милости. – Он сделал долгую выразительную паузу. Юля тоже молчала, и, не дождаввшись от нее ни слова, он продолжил: – Нет, я, понимаю, тот мужчина с волосами-антеннами, он, конечно, сумасшед-

ший.

– Есть немного, – улыбнулась Юля.

– Вы вели себя абсолютно правильно. Но что касается Протопоповой, то с ней еще вполне можно было бы поработать, небольшую подтяжечку сделать, например.

– Ой, Петр Аркадьевич, – Юля покачала головой, – вы ведь сами отлично знаете, что нельзя.

– Нельзя терять сразу трех пациентов в день! – Мамонов неприятно повысил голос. – Объясните мне, почему вы отказали Васильковым?

– Что, неужели все-таки пожаловались?

– Не то слово! Вчера мамаша закатила истерику у меня в кабинете, кричала, что если ее ребенок что-нибудь с собой сделает, то виноваты будете вы, доктор Тихорецкая! Вы отняли у девочки последнюю надежду, вы жестокий, бессердечный человек и не имеете права работать врачом.

– Мадам была одна, без девочки? – быстро спросила Юля и машинально сунула руку в карман халата за сигаретами, но тут же убрала пачку назад.

– Ладно уж, курите, – разрешил Мамонов, – вам ведь тоже надо успокоиться.

– Спасибо, Петр Аркадьевич, но я пока вполне спокойна.

– Пока! – Он поднял палец вверх. – Я только начал, Юлия Николаевна. Впереди еще много неприятных слов, так что не стесняйтесь, дымите в свое удовольствие. И будьте любезны, объясните мне, почему вы отказали Васильковым, да еще в

столь категоричной форме?

Юля щелкнула зажигалкой, затянулась и медленно произнесла:

– Потому что у девочки идеальное лицо. Есть лица, которые просто грех трогать.

– Нет, Юлия Николаевна, нет таких лиц! Всегда можно что-то усовершенствовать. Разве вам не рассказывали преподаватели в ординатуре, что идеальные пропорции делают облик человека банальным, скучным и это вовсе не красота? В женщине должна быть какая-нибудь маленькая неправильность, пикантность, иначе она будет казаться куклой.

– Простите, Петр Аркадьевич, – разозлилась Юля, – это демагогия. Света Василькова очень красивая девочка, и никаких пикантностей ей не надо. Просто ее матушка хочет срочно загрузить кого-нибудь своей проблемой. Она ищет виноватых, и уверяю вас, если бы я согласилась, то стала бы виноватой через неделю после операции.

– Почему?

– Потому что в случае со Светой Васильковой ни один хирург не сумеет сделать лучше, чем уже сделал Господь Бог. После операции будет хуже, чем сейчас, понимаете?

– Не понимаю! – Мамонов помотал головой. – Отказываюсь понимать! Ну разве трудно было предложить ей чуть-чуть приподнять носик? Или подправить ушки? Вы бы избавили девочку от комплексов, вы подарили бы ей радость...

– Я прошу вас, перестаньте, – поморщилась Юля, – мы

оба устали, давайте прекратим этот разговор. Если мы станем хвататься за каждую дурочку, замороженную дамскими журналами и злобными завистливыми подружками, мы превратимся в мошенников и репутация наша не будет стоить ни гроша.

– Да мы половиной наших пациенток обязаны дамским и молодежным журналам, а также тем критически настроенным особям, которых вы называете завистливыми подружками! – рявкнул Мамонов. – Пятьдесят процентов женщин в возрасте до тридцати пяти лет, обращающихся к нам за помощью, делают это не из-за реальных физических недостатков, а из-за комплексов, выращенных искусственно! Вы помните актрису Севастьянову? Красавица, умница, играла роковых героинь, жила и работала в свое удовольствие, пока какая-то гримерша на телевидении не сказала ей: «А вы знаете, у вас кривой нос, вот смотрите, тут хрящ смещен влево, это надо скрывать гримом». С тех пор Севастьянова в зеркале стала видеть только свой смещенный хрящ, ничего больше, и не могла успокоиться, пока не обратилась к нам. Вы, Юля, ассистировали мне на той операции, вы тогда как раз заканчивали ординатуру. Помните?

– Да, – кивнула Юля, – но там действительно был слегка асимметричный хрящ.

– Ерунда, – махнул рукой Мамонов, – прелестный выразительный носик. Красавица, одно слово. Она могла бы прожить с этим своим хрящом всю жизнь, но нашлась добрая

душа, которая обратила ее внимание и чуть не свела с ума. Я ведь сначала не хотел оперировать, убеждал, утешал. А потом понял – бесполезно. Либо тяжелый невроз, либо операция. Но тогда, заметьте, не было такой дичайшей конкуренции в нашей профессии и операции стоили раз в пять дешевле. – Он достал бумажный платок, вытер влажную лысину и закричал так, что зазвенело в ушах: – Марина! Я просил вас сварить кофе два часа назад! Вы что, заснули?

В дверном проеме тут же появилось испуганное лицо. Медсестра Марина, качнув белой шапочкой, быстро зашептала:

– Петр Аркадьевич, вы не просили, вы вообще кофе не пьете, вы, честное слово, не просили, но если хотите, я сейчас!

– Сейчас же! Сию минуту! Мне чай, доктору Тихорецкой кофе! – Мамонов неловко вылез из кресла, подошел к окну и устоял на толстую важную ворону, которая сидела на ветке тополя прямо напротив окна и держала в клюве кусок фольги.

– Что с вами, Петр Аркадьевич? – тихо спросила Юля.

– Простите меня, деточка, – проговорил он чуть слышно, – я действительно сорвался и наговорил много глупостей насчет Протопоповой и этих несчастных Васильковых. Вы поступили совершенно правильно. Дело совсем в другом. Ко мне сегодня утром приходил полковник ФСБ.

– Это касается Анжелы?

– Почему Анжелы? Нет... впрочем, не знаю, может быть, как-то связано с певицей. Хотя вряд ли. Преступников, которые ее избили, ищет милиция, а не ФСБ. Во всяком случае, о ней полковник ничего не спрашивал. – Мамонов вернулся в кресло и несколько секунд глядел на Юлю с такой жалостью, что ей стало не по себе. – Полковник интересовался вами, деточка. И мне это совсем не нравится.

– Да ладно вам, Петр Аркадьевич, – бодро улыбнулась Юля, – ерунда. Мне бояться совершенно нечего. Я не шпионка, не террористка.

– Ох, Юленька, если бы они интересовались только шпионами и террористами... Я старый человек, но, знаете, во мне до сих пор остался совершенно дурацкий, детский страх перед этой организацией. Во рту пересыхает, и хочется отвести глаза.

– Петр Аркадьевич, я понимаю, – кивнула Юля, – но, пожалуйста, не тяните. Ужасно интересно.

– Вот она, разница поколений. Вам сколько? Тридцать шесть? А я на двадцать лет старше. У вас никакого страха. Вам интересно. А у меня коленки дрожат. Собственно, этот полковник ничего конкретного мне не сообщил. Он просто задал о вас несколько вопросов.

– Например?

– Ну, что вы за человек.

– И что я за человек? – улыбнулась Юля.

– Я сказал все самое хорошее, – с вызовом отчеканил Ма-

монов, – я сообщил ему, что знаю вас со студенческой скамьи, помню вас совсем девочкой и могу за вас поручиться. Вы лучший хирург не только в нашей клинике, вы один из лучших хирургов Москвы.

Юля слегка покраснела от удовольствия. За восемнадцать лет знакомства Мамонов впервые произносил такие слова.

– Но вы знаете, – продолжал он, чуть понизив голос, – это вызвало очень странную реакцию у полковника. Он рассмеялся. Он сказал, что ручаться за вас не надо. Мне сложно понять, что он имел в виду. Но меня это задело и насторожило. Мне вообще крайне не понравился его визит. Никаких объяснений, только его вопросы и мои ответы.

– А вы бы потребовали объяснений, – пожала плечами Юля, – с какой стати вы должны отвечать вслепую?

– Ох, деточка, я посмотрю на вас, как вы будете требовать что-либо от такого железного Феликса. Знаете, какие жуткие у него глаза? Впрочем, ладно, что же я вас заранее пугаю? Возможно, действительно ничего страшного нет. Он всего лишь оставил для вас свою визитную карточку и просил, чтобы вы ему позвонили. – Мамонов полез в карман халата, выгреб оттуда на журнальный стол кучу бумажного хлама, покопался в нем и протянул Юле глянцевый прямоугольник.

Юля прочитала: «Райский Михаил Евгеньевич», внизу – телефонный номер. И больше ничего.

Полковник Райский иногда появлялся в спортивном зале, в тире, но ни разу ни с кем не вступал в разговор, просто стоял и наблюдал. Это был тот самый психолог Михаил Евгеньевич в бликующих очках, который месяц назад явился к Сергею в бокс. Позже он узнал, что Райский здесь большая шишка. И конечно, никакой он не психолог.

От его молчаливого вкрадчивого присутствия, от блеска очков становилось немного не по себе. Слишком уж важный был у него вид, слишком надменно и многозначительно он молчал. Сергей подозревал, что полковник Райский относится к породе кабинетных начальников, для которых власть вроде наркотика. За кристальной административной строгостью скрывается отчаянное желание словить свой главный в жизни кайф, покуражиться над подчиненным при малейшей возможности. Впрочем, Сергей не считал себя подчиненным полковника Райского. На этот счет никаких официальных приказов не было, а если и были, то Сергея с ними никто не знакомил.

Майор Логинов предвидел, что рано или поздно полковник заговорит с ним опять, и тогда, возможно, хоть что-нибудь прояснится. Он чувствовал, что от этого тощего надменного человека будет многое зависеть в его дальнейшей жизни. Однако не собирался задавать вопросов, не загляды-

вал ни в глаза, ни в кабинет полковника до тех пор, пока однажды утром Райский не пригласил его к себе.

В просторном уютном кабинете пахло кофе. Полковник сидел в кресле за журнальным столом, длинные тощие ноги сплелись в причудливый крендель. Окно у него за спиной было залито солнцем, и в первый момент Сергей увидел только черный силуэт на фоне солнечного света. Райский прихлебывал кофе из тонкой, очень изящной фарфоровой чашечки, читал журнал «Итоги» и как будто даже не обратил на Сергея внимания.

«Паузу держит, – решил Сергей, – дает понять, что я здесь никто».

– Здравия желаю, товарищ полковник. Майор Логинов по вашему приказанию...

– Садитесь, – Райский кивнул на кресло, – кофе хотите?

– Спасибо, не откажусь.

Полковник отложил журнал, поднялся, выглянул за дверь и негромким, немного сонным голосом произнес:

– Федя, кофейку еще сделай, пожалуйста.

Буквально через минуту явился адъютант с дымящейся чашкой на подносе.

– Ну что, майор, как самочувствие? – Полковник впервые посмотрел Сергею в глаза, вполне приветливо и даже тепло.

– Спасибо, товарищ полковник. Нормально.

– Небось швы зудят к вечеру.

– Есть немного, – признался Сергей, отхлебнув крепкого

сладкого кофе.

– Это пройдет, – пообещал Райский, – главное, чтобы зуд спать не мешал. Вы хорошо спите?

– Отлично.

– Кошмары не мучают?

– Нет.

Стало быть, стукнули соседи про его ночные вопли. Ну а как же иначе?

– Завидую вам, майор, – Райский улыбнулся, – удивительно крепкие у вас нервы. Если бы у меня на глазах бандиты отрубили головы двум моим товарищам, я вряд ли смог спать спокойно. Со старшим лейтенантом Курочкиным вы успели прослужить всего год, а капитана Громова знали еще с Афганистана. Он был вашим близким другом.

Сергей залпом допил кофе, осторожно поставил на стол невесомую фарфоровую чашку. Ему еще не задали прямого вопроса, а потому он молчал.

– До казни были пытки, и много всякого дерьма, – продолжал свой монолог Райский, – очень много дерьма, майор. Я понимаю, как вам не хотелось бы сейчас вернуться к тому, что пришлось пережить в плену, но сделать это придется. – Не вставая с кресла, полковник развернулся, протянул руку и опустил жалюзи. В кабинете повис полумрак, а через минуту вспыхнул телеэкран.

Первое, что увидел Сергей, было его собственное лицо, заснятое крупным планом. Ему показалось, что он смотрит

на самого себя из другого измерения. Жизнь перевалилась за экран и продолжилась по ту сторону, а здесь, в уютном кабинете, остались только тени. Он сам и этот тощий доброжелательный полковник – призраки, а стало быть, ничего уже не важно и не страшно. По кабинету медленно поплыла вонь пригоревшего бараньего жира, тошнота подступила к горлу. Сергей услышал знакомый раскатистый смех. Смеялся Шамиль Исмаилов, главарь банды.

– Ну вот, майор Логинов, ты стал моим братом, – прозвучал низкий голос Исмаилова, – ты теперь наш, поздравляю. Давно бы так. Был собакой, стал настоящим джигитом. Аллах милостив, всем дает шанс, даже неверным. Улыбнись, слушай, дарагой, мы знаем, как ты устал, но в честь такого события можно улыбнуться.

Они были вдвоем в кадре. Исмаилов обнимал Сергея, хлопал по плечу. Лицо майора ничего не выражало. Майор молчал и смотрел в объектив.

– Вы неплохо выглядите, – прокомментировал Райский, – отличный цвет лица, добротная чистая одежда.

Кадр сменился. На экране происходил утренний намаз. Бандиты молились, под унылое пение муллы камера скользила по людям-холмикам. Двадцать боевиков, скорчившись на четвереньках, выгнув спины по-кошачьи, рыли носами сухую пыль. Потом поднялись, не вставая с колен, и, как слепые, ощупали свои лица, от висков к кончику бороды. Камера уперлась в майора. Он стоял на коленях в ряду молящих-

ся.

Дальше было показано застолье. Монотонная восточная музыка. Громкий смех, быстрая хриплая речь, чеченские слова попеременно с русским матом, жующие, лоснящиеся от жира лица. Сергей сидел между двумя бандитами, с полуобъеденным шампуром в одной руке и куском лаваша в другой.

– Вкусный у них шашлык? – тихо спросил Райский.

Сергей ничего не ответил.

Действие продолжалось. У белой стены стоял человек. Он был страшно истощен. Драная телогрейка, надетая на голое тело, висела на его плечах как на вешалке. Сергей никогда не видел его в лагере. Лицо медленно наплывало и наконец заполнило весь экран.

– Меня сейчас убьют, – проговорил человек быстрым свистящим шепотом, – осталось еще трое наших ребят. Здесь очень страшно. Пожалуйста, заплатите выкуп. Меня убьют, их пока что можно спасти. Здесь Славик, Витя, Саня... Кто-нибудь, заплатите выкуп, очень вас прошу, это мое последнее, предсмертное желание. – Он заплакал и тяжело упал на колени. Он так смотрел в объектив, что казалось, глаза его, огромные, обведенные черными кругами, сейчас прожгут насквозь экран телевизора. По впалым, серым от щетины щекам текли слезы. Плечи под ватником крупно дрожали. Камера отъехала. В кадре появился еще один человек, парень лет двадцати в аккуратном камуфляже. Камера нае-

хала совсем близко, взяла крупный план, качество пленки было отличным, освещение ярким. Круглое лицо, широкий вздернутый нос, серые глаза, светлые, длинные, как у теленка, ресницы, на лбу и на щеках следы подростковых прыщиков. Простецкий, добродушный парнишка из тихой российской провинции. Борода росла плохо, бесцветными ключьями, и совсем не шла ему. На лице его блуждала шальная улыбка. В руках он сжимал автомат.

– Короче, это, – произнес он в камеру и сплюнул, – я ща кончу его. Во имя Аллаха, короче, – он сплюнул еще раз, – ну че, братаны, можно?

– Погоди, дарагой, ты не сказал, кто ты такой, как зовут. – Голос звучал за кадром, но Сергей сразу узнал его. Говорил Исмаилов. Через секунду он вошел в кадр, обнял парня и похлопал по плечу: – Ну, давай, джигит, скажи всем, кто ты есть.

– Ну, короче, это... Я старший сержант Трацук Андрей Иванович, семьдесят восьмого года, русский, – парень опять сплюнул, глаза его забегали, – неделю назад принял мусульманство, вступил в ряды освободительной армии Ичкерии, теперь меня зовут Хасан.

– Маладэц! – подал голос Исмаилов. – Ты теперь мой брат. А я люблю всех своих братьев. У тебя будет много денег и четыре красивые жены.

В ответ новоиспеченный Хасан усмехнулся криво, поблатному, и опять сплюнул.

Камера вернулась к человеку у стены. Тот все еще стоял на коленях, но глаза его стали сухими, спокойными. Лицо было поднято к небу, губы беззвучно бормотали что-то, дрожащая рука неуверенно поднялась, он перекрестился. За кадром послышался гогот. Смеялись несколько человек, камера криво дернулась и поспешила взять общий план. Бывший Андрей Трацук дал короткую очередь. Человек у стены рухнул в пыль.

– Может, вы все-таки откроете глаза? – услышал Сергей голос полковника Райского.

– Я все вижу, – ответил он, не поворачивая головы, – я все отлично вижу.

– Да? А со стороны кажется, будто вы вообще заснули. Скажите, вы встречали в лагере этих двух людей? Я имею в виду расстрелянного и этого новоиспеченного Хасана?

– Я понял, кого вы имеете в виду. Расстрелянного не встречал. А Хасана я знал. Там их было пять штук, таких Хасанов.

– Правда? Пять штук, говорите? Ну что ж, не будем отвлекаться.

Сергей увидел на экране еще одного заложника у стены. Он был не так истощен, как первый. Он смотрел в камеру и повторял просьбу о выкупе ровным, спокойным голосом. Кадр застыл. Полковник Райский нажал «паузу» на пульте.

– Вам знакомо лицо этого человека?

– Нет.

– Посмотрите внимательней. Возможно, вы забыли.

– Нет. У меня хорошая память на лица.

– Да? Ну ладно.

Райский пустил пленку, и Сергей увидел самого себя с автоматом в руках. Когда камера приблизилась, полковник опять нажал «паузу».

– Вы продолжаете утверждать, что не видели раньше этого человека? Нет, я понимаю, иногда память выкидывает странные фокусы. Какие-то особенно мучительные, опасные для психического здоровья моменты забываются помимо воли. Срабатывает инстинкт самосохранения. Бывает, не спорю. Ведь вас заставили это сделать. Известно, как они умеют заставлять.

– Я отлично помню, как мне сунули в руки автомат и как меня снимали, – медленно проговорил Сергей, – будьте добры, пустите пленку дальше.

– Слушайте, у вас потрясающая выдержка, – заметил Райский, – молодец, честное слово, молодец.

В кадре опять появился заложник. Он стоял во весь рост. Глаза его были закрыты. Камера приблизилась, чтобы в последний раз показать его лицо. Оно было застывшим, как будто уже неживым, и только губы двигались, как отдельный механизм:

– Заплатите выкуп, умоляю, заплатите выкуп...

Крупный план сменился общим. Но в кадре был только заложник у стены и больше никого. Короткая очередь про-

звучала за кадром. Заложник упал. А потом опять появился Сергей с автоматом. Рядом стоял Исмаилов, хлопал его по плечу и поздравлял. Сергей молчал, низко опустив голову.

– Ну, видишь, как все просто, дарагой? Совсем просто застрелить собаку во имя великого Аллаха. Ты ведь джигит, ты мой брат. Обязательно женим тебя, – пообещал Исмаилов, – ну не смущайся, майор, расскажи всем, кто ты есть, кем был и кем стал. – Последовал увесистый хлопок по спине. Сергей покачнулся и чуть не упал. Камера поспешно ретировалась, метнулась к трупам, который в этот момент волокли от стены к неглубокой яме на опушке ореховой рощи.

– Да, так на чем мы остановились? – подал голос Райский. – Вы сказали, что отлично помните, как вам сунули в руки автомат. Неужели не помогла пленочка освежить в памяти дальнейшие события? – В полумраке вспыхнул огонек зажигалки, полковник прикурил и протянул Сергею сигареты.

– Спасибо, – кивнул Сергей и после первой глубокой затяжки тихо произнес: – Михаил Евгеньевич, пожалуйста, отмотайте назад, к первому расстрелу.

– Так и думал, что вы начнете с этого. – Райский выключил видеомэгафон и телевизор, отъехал в кресле к журнальному столу, залпом допил свой остывший кофе. – Молодец, отлично! Мы ведь сразу обратили внимание, что расстрел показан в вашем случае совсем иначе. Если бы вы стреляли в заложника, они непременно бы это засняли. Автомат,

который вам сунули в руки, не был заряжен. Вы были уже настолько ослаблены, что едва держались на ногах. Именно за это, за отказ стрелять, вам перебили ноги. Сначала вас хотели просто повесить, но Исмаилов срочно уехал в Грозный и ждали его возвращения.

– Откуда вы знаете? – мрачно поинтересовался Сергей.

– Подождите, – Райский улыбнулся, – я чуть позже отвечу на ваши вопросы. На все не обещаю, но на некоторые. Итак, заложника вы не видели, поскольку находились с другой стороны дома. Это засвидетельствовали наши эксперты, которые очень серьезно занимались пленкой. Более того, они определили, что у вас на лице грим.

– Разве это можно определить? – мрачно поинтересовался Сергей.

– Ну, качество пленки очень высокое, снимали при ярком свете. Там есть один крупный план, где видно, что у вас на лице ссадины замазаны. Мое замечание про отличный цвет лица не случайно. Я ждал, что вы скажете о гриме. Однако вы промолчали, с чем вас и поздравляю. Я не доверяю людям, которые спешат оправдываться. Ну да ладно. Кино мы с вами посмотрели. Теперь можно и поговорить.

– Это наверняка не все кино, – медленно произнес Сергей и почувствовал покалывание в запястьях.

– Не все, – кивнул Райский, – там дальше начинаются кошмары, такие, что Стивен Кинг просто отдыхает. Лично у меня нет желания смотреть еще раз. Я не любитель ужа-

стиков, особенно если это не фантазии кинематографистов, а грубая хроника. Кстати, вас там нет. Мелькнула парочка крупных планов. Там вы смотрите, как казнят ваших товарищей, и у вас лицо покойника. Правда, надо обладать определенной чуткостью, наблюдательностью, чтобы заметить это, а также все прочее, на что обратили внимание наши эксперты. Но другие люди... Вы знаете, как смотрит и что видит публика? Дело в том, что пленка была показана по трем телеканалам. Отдельные кадры проходили в новостях. В несколько специальных репортажей были включены большие фрагменты, и наконец неделю назад фильм в смонтированном виде показали целиком в самое смотрибельное время, комментировал его весьма популярный телеведущий. Имен предателей не называли. Было дано специальное распоряжение Генерального штаба не называть имен, званий и так далее. Только лица и гневные общие слова о наемниках, о всяком отребье, которое переходит на сторону бандитов. Знаете, у вас очень запоминающееся лицо, – Райский мягко улыбнулся, – вы объявлены в розыск, майор.

– Что с моей матерью? – хрипло спросил Сергей.

Райский смерил его долгим оценивающим взглядом, откашлялся и медленно произнес:

– Мы не хотели травмировать вас. У Веры Сергеевны был обширный инфаркт. Нет, это произошло еще до показа пленки в новостях. Она попала в больницу, как только узнала, что вы пропали без вести. Сделали операцию, но начались вся-

кие осложнения. – Он встал, не спеша прошел к письменному столу, открыл ящик и вытащил конверт из плотной бумаги. – Вот, посмотрите.

Там оказались фотографии какой-то худенькой старушки в гробу. Только увидев знакомую плиту памятника на Долгопрудненском кладбище с овальным снимком молодого отца в военной фуражке, с майорскими погонами на плечах, он понял, что сказал ему Райский минуту назад, однако никак не мог узнать в мертвой старушке свою полную, цветущую маму. Смотреть не было сил. Он положил пачку фотографий на журнальный стол.

– Примите мои соболезнования, – отрывисто произнес Райский, – но, как говорится, жизнь продолжается.

– Простите, мне надо побыть одному.

– Да? – Полковник удивленно приподнял брови. – Ну, конечно. Я понимаю. Я вас не задерживаю.

Глава восьмая

Стас Герасимов проснулся с такой тяжелой головой, словно вышел из многодневного запоя, и не сразу сообразил, где находится. В квартире было тихо, душно и пахло сладкими духами Эвелины. Над головой что-то противно, упрямо урчало, Стас подумал, что Эвелина на старости лет завела себе кота, большого и жирного, и, не открывая глаз, простонал:

– Лина, убери животное!

Никто не откликнулся, урчание продолжалось и ужасно раздражало. Он разлепил веки, увидел, что Эвелины рядом нет, а на тумбочке у кровати мигает красный огонек телефона.

– Лина! – позвал он еще раз. – Возьми трубку!

Прислушавшись, он понял, что один в квартире. Настенные часы показывали половину первого. Телефон все урчал, мигал, раздражал ужасно, и Стас решился ответить. Но в трубке молчали. Он выругался, бросил телефон на кровать и заставил себя подняться на ноги.

В ванной на зеркале было намалевано губной помадой: *«Буду в три. Дождись»*, рядом красовался жирный отпечаток губ.

Под горячим душем ему стало значительно лучше. Голова прояснилась. Сначала он вспомнил, что Эвелина впихнула в него ночью сразу три таблетки какого-то сильного снотвор-

ного. Потом стали всплывать, как весенние утопленники, все прочие подробности.

После ужина в ресторане они с Эвелиной обнаружили в машине труп шофера Гоши. Когда прошел первый шок, Эвелина дрожащими руками вытащила из сумочки свой мобильный и прошептала:

– Что там нужно набрать? Кажется, 02?

Стас молча взял у нее аппарат, но вместо того чтобы позвонить в милицию, выключил его, захлопнул крышку и, схватив Эвелину за руку, потащил ее прочь от проклятого «Мерседеса» в сторону Тверской.

– Ты что, с ума сошел? Так нельзя! – испугалась она, однако покорно поковыляла за ним на своих тонких высоченных каблуках. Они влезли в первую остановившуюся машину. Догадливая Эвелина назвала свой адрес и молчала всю дорогу, ласково поглаживая руку Стаса.

Когда они оказались в квартире, он запер дверь на все замки и задвижки и отправился в спальню, на ходу сбрасывая одежду прямо на пол. Улегся в постель, забился с головой под одеяло. Эвелина разделась аккуратно, не спеша, смыла макияж и юркнула к нему. Он дрожал, зубы отбивали мелкую дробь. Она принялась утешать его, целовать, и получилось все удивительно хорошо, нежно, страстно, как бывало только в самом начале их романа.

В полночь Эвелина напоила его молоком с медом, с ложечки, как маленького. Он не стал рассказывать ей ничего,

выдумал вполне правдоподобную историю о том, что у шофера Гоши были проблемы, связанные с его прежней службой.

– Кажется, он когда-то служил охранником в зоне, урки, которых он охранял, могли отомстить. Потом он стал служить в ФСБ и тоже мог нажить врагов.

– Тогда почему мы сбежали? – резонно спросила она.

– Потому что у меня депрессия и совершенно нет сил общаться с ментами, давать показания. Ну представь, что было бы дальше. Протокол, допрос, понятые, вонючая ментовская, хамские придурки продержали бы нас с тобой до утра. Но главное, мне пришлось бы опознавать Гошу, а я жутко боюсь покойников. Меня тошнит от них, может вырвать.

– Но ведь все равно никуда не денешься. Это твой шофер, машина принадлежит твоей фирме, и после того как мы сбежали, вопросов будет еще больше.

– И вовсе мы не сбежали, – задумчиво пробормотал Стас, – мы вообще ничего не видели. В ресторане здорово выпили, и ты поймала такси, а я просто забыл о том, что меня ждет Гоша.

Эвелина поднялась, запахнула халат, унесла чашку и вернулась из кухни с сигаретой.

– А если кто-то видел нас? – тихо спросила она после глубокой затяжки.

– То есть?

– Ну мы же с тобой довольно долго крутились у машины,

дергали дверцы, совали руки в окно. Теперь представь, что убили его за несколько минут до нашего появления.

– Ой, прекрати, – поморщился Стас, – кто нас мог разглядеть в темноте, тем более запомнить? Это во-первых. А во-вторых, надо быть параноиком, чтобы меня заподозрить.

– А ты думаешь, там нет параноиков? – хрипло хохотнула Эвелина.

– Ну допустим, они там все слегка сдвинутые. Однако у меня есть живой свидетель. Ты, Линочка, была со мной весь вечер. Ты видела, как я вылез из машины, в которой сидел шофер Гоша, живой и здоровый. Ты отлично помнишь, что я никуда не отлучался, пока мы ужинали.

Она ничего не ответила, просто прикрыла глаза. Он погладил ее по коленке. Она отстранилась и тяжело вздохнула. Он вспомнил, что Эвелина не могла видеть, как он вылезал из машины, потому что опоздала минут на десять. Он уже ждал ее у входа в ресторан, а машина стояла в соседнем переулке. Пока они ужинали, он выходил, и его не было довольно долго. Он выходил в туалет и провел там много времени по вполне естественным причинам. У него иногда случаются проблемы с желудком. Впрочем, это не существенно, потому что выйти из ресторана на улицу так, чтобы не заметил швейцар, невозможно.

– Если решил взять меня в сообщницы, выкладывай всю правду, – проговорила Эвелина чуть слышно.

– Какую правду? О чем ты?

– О чем я? – Эвелина рухнула рядом с ним на кровать и, глядя в потолок, медленно, по слогам произнесла: – Обе твои карточки почему-то заблокированы. Твой шофер Гоша сидит в машине и ждет тебя с пулей во лбу. Ты вместо того, чтобы вызвать милицию, сбегаешь и прячешься у меня. Что происходит, Стас?

– Разве я у тебя прячусь?

– Радость моя, телефон твой мобильный за это время ни разу не заверещал. Ни разу. Обычно он у тебя включен круглые сутки. Первое, что ты делаешь, войдя в мою квартиру, ставишь его на зарядку. Зарядное устройство таскаешь с собой. Ты жить не можешь без мобильника, даже в моменты страсти. А сейчас ты его вырубил.

– Просто я очень соскучился по тебе, Линуся, и не хочу, чтобы нам мешали.

– Я тронута. Я почти рыдаю. За это время ты никому не позвонил, вообще никому. Даже папочке с мамочкой.

– Они у меня старые. Они спят ночью.

– Ну, я думаю, убийство твоего шофера – вполне уважительная причина, чтобы их разбудить.

– Слушай, хватит, и так тошно.

– Вот и поделись с товарищем душевной болью. Авось полегчает.

– Я сказал, депрессия у меня, – невнятно пробормотал Стас, отвернулся и накрылся с головой одеялом.

– Ну как хочешь. Я думаю, дело совсем в другом. Ты

слишком грубое, примитивное существо для депрессий. Просто на твою фирму наехала налоговая инспекция, братки, конкуренты или все вместе. Утром в банки не забудь позвонить насчет карточек. – Она зевнула и повернулась к нему спиной.

Стас не мог уснуть. Его бил нервный озноб, он ворочался, мешал спать Эвелине, и после часа мучений она заставила его выпить три таблетки снотворного. Он проспал как убитый до половины первого, не слышал, как Эвелина ушла, и проснулся от телефонного звонка.

После душа он поплелся на кухню, сварил себе крепкий кофе, заляпал гущей плиту. Телефон опять заурчал, Стас вздрогнул и разбил фарфоровую сахарницу. В трубке молчали. Он хотел сразу бросить ее, но отчетливо услышал музыку. Это не были обычные звуковые вкрапления, попадающие на линию из радиоэфира. Кто-то специально поднес трубку к магнитофону. Он узнал «Битлз». Невозможно было не узнать, поскольку звучала хрестоматийная песня «Yesterday».

Продолжая держать трубку, Стас достал веник, совок, чтобы убрать осколки и рассыпанный сахар. Ему пришло в голову, что у старушки Эвелины завелся чокнутый поклонник, который развлекается таким подростковым способом. Внезапно сквозь музыку приятный женский голос отчетливо произнес:

– Ты, Герасимов, глупая обезьяна.

Затем смех и короткие гудки.

Стас несколько секунд стоял, открыв рот, с гудящей трубкой в одной руке и веником в другой. Ледяной пот тек по лицу и за ворот мягкого махрового халата Эвелины. Сквозь тяжелый звон в ушах он расслышал, как надрывается домофон. На ватных ногах он поплыл в прихожую и замер у двери. Домофон звонил минуты три, не меньше. Стасу показалось, что прошла вечность. Только когда стало тихо, он почувствовал острую боль в ступне, увидел кровавые следы на полу. Фарфоровый осколок пропорол тонкую подошву тапочка и глубоко вошел в тело.

* * *

Юля подъехала к дому в начале одиннадцатого, усталая, но довольная. Сегодня она оперировала певицу Анжелу, и, кажется, все прошло хорошо. Операция была заснята на видеопленку, ей хотелось поскорей улечься на диван перед видеком, поставить адаптер с кассетой и подробно просмотреть все, от начала до конца, потому что одно дело, когда кажется, будто все хорошо, и совсем другое – когда ты в этом уверен.

Она припарковала машину, но не успела вылезти, как у нее в сумке затренькал мобильный.

– Добрый вечер, Юлия Николаевна, – произнес низкий мужской голос, – извините за беспокойство...

– Так. Я просила вас не звонить мне домой. Но и на мобильный тоже, пожалуйста, не надо, – раздраженно перебила Юля.

– Простите, но вы меня не просили не звонить вам домой, потому что я никогда этого не делал, – мягко ответили ей, – мы с вами пока вовсе не знакомы, и я...

– Не знакомы и слава богу! – рывкнула Юля, выключила телефон, убрала его в сумку и быстро пошла к подъезду. Она не слышала, как хлопнула дверца неприметной черной «Тойоты», припаркованной в глубине двора, не видела, как двинулась за ней следом длинная тонкая фигура, и жутко испугалась, когда у нее за спиной низкий голос произнес:

– Вы забыли включить сигнализацию, Юлия Николаевна.

Двор был пуст. В ярком фонарном свете она разглядела распахнутую замшевую серую куртку, под ней черный безупречный костюм, белоснежную рубашку, строгий серо-черный галстук, огромный кадык, жесткий, гладко выбритый подбородок. Вместо глаз блестели очки в тонкой оправе. Мужчина был высок и болезненно худ.

– Ну что же вы так нервничаете? – снисходительно спросил он. – Моя фамилия Райский. Вам передал мою визитку Мамонов Петр Аркадьевич.

– Вы полковник ФСБ? – с некоторым облегчением уточнила Юля.

– Совершенно верно. Мне надо с вами побеседовать, Юлия Николаевна.

– Что, прямо здесь и сейчас?

– Да, сейчас. Но не обязательно здесь. Если вы не хотите пригласить меня к себе домой, то мы можем посидеть в кафе в двух кварталах отсюда. Правда, я там никогда не был. Не знаете, это приличное место?

– Понятия не имею. Послушайте, почему такая срочность? Вы могли бы прийти ко мне на работу завтра утром.

Он улыбнулся и покачал головой:

– Вы слишком заняты на работе. Там разговаривать неудобно. Давайте не будем терять время, Юлия Николаевна. Вы устали, у вас была тяжелая операция. Решайте, куда пойдём, к вам или в кафе? Есть еще вариант. Мы можем побеседовать прямо здесь, на улице, но вряд ли вам это понравится, да и мне тоже, честно говоря. Холодно, сыро. Даже на лавочку не сядешь.

Приводить этого длинного полковника к себе домой Юле вовсе не хотелось. Но тащиться с ним в кафе не было сил. А на улице правда похолодало. В конце концов, он не грабитель, не убийца, ему что-то надо и просто так он не отвяжется. Лучше домой.

Она достала телефон, включила и набрала домашний номер, чтобы предупредить Шуру. Ее дочь могла расхаживать в такое время по квартире в пижаме, с лицом, намазанным белой глиной или еще чем-нибудь.

– Шура, я через пять минут приду. Не одна, – быстро проговорила она в трубку.

– Мамуль, ты где? – сонно спросила дочь.

– У нас во дворе.

– А с кем?

– С чужим человеком.

– Совсем с ума сошла? Зачем ты чужого ведешь домой, да еще в такое время?

– Если ты в неприличном виде – спрячься.

– Ага. Я только что из ванной. Можешь сказать, кто он такой?

– Не важно. Потом объясню. – Юля убрала телефон и кивнула Райскому: – Пойдемте. Могу вам уделить минут сорок, не больше.

– Вот спасибо, – широко улыбнулся он, и Юля обратила внимание на шикарные, ослепительно белые зубы, – сорок минут вполне достаточно. Но только дочери не стоит объяснять, кто я и откуда. Пока, во всяком случае.

Они поднялись по ступенькам подъезда, Юля набрала код на домофоне и, не оборачиваясь, спросила:

– Как же мне вас представить?

– Скажите, я ваш коллега.

– Вы не похожи на моего коллегу.

– Почему?

– Потому что вы похожи на полковника ФСБ. Может, все-таки объясните, что вам от меня нужно?

Они ехали в тесном лифте, и запах его дорогого одеколona был неприятен.

– Помощь, – произнес он тихо и многозначительно, – нам нужна ваша помощь, Юлия Николаевна. И не надо так волноваться. Я, кажется, пока ничем вас не обидел.

Юля достала ключи и не сразу попала в замочную скважину. У нее слегка дрожали руки, и она жестко сказала себе, что это просто от усталости.

– Ма-ам! – крикнула Шура из глубины квартиры. – Скажи ему, пусть снимет ботинки! Я сегодня полы мыла!

– Какая она у вас хозяйственная, – улыбнулся Райский, – у меня двое мальчишек и ни черта дома не делают. Вот что значит девочка.

Юля молча поставила перед ним тапки, сняла сапоги и бо-сиком отправилась в комнату Шуры. Та сидела за письменным столом в старой застиранной футболке. Лицо ее было покрыто слоем какого-то зеленоватого крема.

– Ты ела? – спросила Юлия Николаевна, поцеловав дочь в макушку.

– Так нечего, – пожала плечом Шура, – холодильник пустой, котлеты я уже видеть не могу. Но ты не волнуйся, мамочка, я после школы зашла в «Макдоналдс». Слушай, а кто он, этот длинный дядька?

– Откуда ты знаешь, что он длинный? – шепотом спросила Юля.

– В окошко посмотрела. Интересно же. Вдруг у тебя появился ухажер?

– Издеваешься? – криво усмехнулась Юля. – Ладно, ло-

жись спать. Завтра опять будешь сомнамбулой.

Полковника Райского в прихожей уже не было. Он сидел на кухне и держал незажженную сигарету.

– Я вас слушаю, Михаил Евгеньевич, – произнесла Юля, усаживаясь напротив.

– Надо же, вы запомнили мое имя-отчество, – обрадовался Райский, – будет совсем хорошо, если вы угостите меня кофейком и разрешите закурить.

– Курить можно, а что касается кофе, то я должна сначала просто посидеть и передохнуть. Не возражаете?

– Конечно, отдыхайте, Юлия Николаевна, – его очки сверкнули, – у вас сегодня была сложная операция. Кстати, она прошла удачно?

– Михаил Евгеньевич, вы, вероятно, хотите поговорить об Анжеле? – Юля откинулась на спинку стула и устало прикрыла глаза.

– Почему вы так решили?

– Потому что она была жестоко избита, изуродована, преступники пока не найдены. В прессе мелькали слухи, будто певица дружит с каким-то известным чеченским террористом. Есть вероятность, что это он ее избил. Поскольку мне предстоит долго и тесно общаться с Анжелой, вы хотите, чтобы я сообщала вам все, что узнаю нового от нее или о ней. – Юля проговорила это быстро, на одном дыхании, и так тихо, что полковнику пришлось податься вперед, перегнуться через стол.

– Лихо, – кивнул он, – молодец, доктор Тихорецкая. Я, кажется, в вас не ошибся.

Юлю слегка задел его снисходительный тон. Она хотела сказать в ответ что-нибудь саркастическое, но поленилась. Молча встала, включила чайник, достала сахарницу и банку с молотым кофе.

– Я пью сладкий. А вы?

– Я тоже, – кивнул Райский, – и если можно, покрепче. Юлия Николаевна, уж коли вы все так быстро и легко вычислили, то, наверное, готовы сразу ответить: да или нет.

Юля застыла с туркой в руке и вдруг рассмеялась.

– Чем же я вас так развеселил? – спросил Райский.

– Профессионализмом, Михаил Евгеньевич, – ласково ответила Юля, – исключительным знанием психологии. Вы меня сначала похвалили, расслабили, а потом сразу раз – и нажали.

– Что поделать, Юлия Николаевна, такая у меня работа. Ну вы готовы ответить? Да или нет?

– Конечно нет. – Юля поставила турку на огонь и принялась легонько помешивать кофе длинной ложкой.

– Почему?

– Потому что вы обратились не по адресу. Я не священник. Мои больные мне не исповедуются. А если это иногда случается, то я храню тайну исповеди.

– Юлия Николаевна, вам было неприятно, когда вам позвонили домой в половине четвертого ночи? – вкрадчиво

спросил Райский.

– Да, конечно. Но еще более неприятно, что вам об этом успели рассказать мои коллеги, не знаю, кто именно, Вика или Петр Аркадьевич. – Юля резко сдернула турку с огня и пролила немного гущи на плиту.

На этот раз рассмеялся Райский. Смех у него был странный и больше походил на жалобный, отрывистый стон. Юля разлила кофе по чашкам, выложила в вазочку остатки печенья и вафель, уселась за стол и не стала спрашивать, почему он смеется.

– Теперь вы меня поставили перед выбором, – Райский осторожно отхлебнул кофе, лицо его стало серьезным, – я могу соврать вам, могу сказать правду. Поскольку вы сразу отказались нам помочь, логичней соврать. Но с другой стороны, вы мне очень симпатичны и хочется сказать правду. Как быть?

– Как хотите.

– Ну ладно, – вздохнул полковник, – ваш телефон прослушивается.

– Уже? – Юля тихо присвистнула. – Когда же вы успели?

– Ну, дурное дело не хитрое. Разговор с человеком, который представился продюсером Анжелы, записан на пленку, и сняты отпечатки голоса. Поздравляю вас, Юлия Николаевна. Вам звонил чеченский террорист Шамиль Исмаилов.

Очки Райского бликовали, глаз не было видно, но Юля почувствовала, как он впился взглядом в ее лицо.

– Чеченец? – спросила она спокойно. – Но у него никакого акцента. Чистая речь. К тому же для террориста он слишком вежлив.

– Исмаилов учился в Москве, и не где-нибудь, а в Высшей школе КГБ.

– Коллега, значит? – ехидно ухмыльнулась Юля.

– Ну в определенном смысле да. Что делать? Отец его был крупной партийной шишкой в Чеченской Республике. Так что Исмаилов, можно сказать, принц крови. Отличные манеры, никакого акцента. Мать была русской. Впрочем, не важно. Когда ему надо, он говорит с сильным акцентом, хамит, матерится, использует словечки «короче», «в натуре», «чисто конкретно».

– Вы так много знаете о нем, – покачала головой Юля, – а поймать не можете.

– В принципе можем. Конечно, если вы, Юлия Николаевна, согласитесь нам помочь.

– Не смешно, Михаил Евгеньевич.

– Я вовсе не шучу, Юлия Николаевна. Так сложилось, что мы вынуждены обращаться за помощью именно к вам. Дело в том, что вы... – Он осекся. В коридоре послышалось шлепанье босых ног, и в дверном проеме появилась Шура. Она догадалась умыться лицо и натянуть старые истертые джинсы.

– Мам, я есть хочу, – заявила она, откровенно разглядывая Райского, – здрас-сти. Меня Шура зовут.

– Очень приятно. – Полковник встал, протянул руку и

представился: – Михаил Евгеньевич.

Шура, хмыкнув, ответила на рукопожатие, открыла холодильник, присела перед ним на корточки и застыла в глубокой задумчивости.

– Возьми банан или сделай себе бутерброд с сыром.

– Бананы я еще днем все съела. А сыр какой-то сухой, – печально сообщила Шура.

– Ну тогда иди спать. – Юлия встала, подняла Шуру за плечи и повела в комнату.

– Мам, он скоро уйдет? – проворчала Шура довольно громко.

– Спокойной ночи. – Она поцеловала дочь, вернулась на кухню, закурила и жестко произнесла: – Знаете, Михаил Евгеньевич, каждый должен заниматься своим делом. Давайте я буду оперировать, а вы ловить террористов.

Райский снял очки, потер переносицу. Как у многих очкариков, взгляд его стал мягким и беззащитным.

– Юлия Николаевна, мы с вами занимаемся ерундой, толчем воду в ступе. Вы уже отказали мне, хотя до сих пор не знаете, в чем состоит моя просьба.

– Просьба ваша проста и понятна, – улыбнулась Юлия, – а позвольте-ка, доктор Тихорецкая, вас вербануть. Можно как угодно это формулировать, но суть остается неизменной.

Райский достал из кармана чистейший носовой платок и принялся протирать стекла очков. Юлия молча убрала кофейные чашки со стола и застыла в дверном проеме, прислонив-

шпись плечом к косяку и скрестив руки на груди. Она устала разговаривать с этим человеком. Ей хотелось, чтобы полковник Райский ушел и больше никогда не появлялся.

– Вербануть? Хороший глагол. А с чего вы взяли, доктор Тихорецкая, что я именно этого добиваюсь?

– Ну вы же сами сказали, вам необходима информация об Анжеле, – пожалала плечами Юля, – вы хотите, чтобы я стучала на свою пациентку. Допустим, она тесно дружит с чеченцем. Он бандит, террорист, вам нужна информация о нем. Но если вы прослушиваете мой телефон, то наверняка имеете возможность утыкать палату Анжелы, мой кабинет, ординаторскую, процедурную и все что хотите «жучками», или как теперь это называется? Зачем вам мое согласие?

– Действительно, зачем? Но кто же вам сказал, Юлия Николаевна, что я хочу получать от вас информацию?

– Вы, Михаил Евгеньевич.

– Нет, Юлия Николаевна. Пожалуйста, вспомните наш разговор с самого начала. Ничего подобного я не говорил. Вы сами все произнесли за меня. Вы почему-то решили, что лучше знаете.

Юле стало неловко. Он был прав. Она отказала, даже не выслушав его просьбы.

– Ну хорошо, Михаил Евгеньевич. Извините меня. Я вас внимательно слушаю. – Она села на стул и закурила.

– Юлия Николаевна, я так же, как и вы, считаю, что каждый должен заниматься своим делом. Я ловлю террористов,

вы оперируете. Просьба моя состоит в том, чтобы вы посмотрели одного больного. Это вы можете сделать?

– Разумеется, могу, – Юля нервно усмехнулась, – привозите его ко мне на прием хотя бы завтра, в первой половине дня.

– Невозможно, – он помотал головой, – нам придется отвезти вас к нему. Это довольно далеко, на границе Московской области. Ехать надо прямо завтра, с утра. В восемь за вами приедет машина.

– Да вы что?! – Юля повысила голос и опять встала. – У меня завтра прием.

– Не волнуйтесь. Я уже договорился с вашим руководством. Вас отпускают на некоторое время, не в счет отпуска, эти дни будут засчитаны вам как полноценные рабочие. Кроме того, от нас вы получите гонорар в зависимости от объема работы.

– Что значит – на некоторое время?! А с ребенком моим вы тоже договорились?

– Нет, – невозмутимо улыбнулся Райский, – с Шурой мы пока не договаривались, но об этой проблеме подумали заранее. С вашей дочерью может остаться наша сотрудница, абсолютно надежный человек. Ручаюсь головой. Ребенок будет вовремя доставлен на машине в школу и из школы, накормлен, уложен спать.

– Вы с ума сошли? – спросила Юля, внимательно и с интересом разглядывая лицо Райского. Лицо это, холеное, узкое,

с высоким умным лбом, тонкими губами и широким крупным носом, было вполне приятным и обычным, и не читалось на нем ни смущения, ни сомнения.

– Поскольку ваша мама сейчас находится в США, гостит у вашей старшей сестры, а с бывшим мужем у вас отношения, мягко говоря, сложные, вам практически не с кем оставить ребенка, – произнес он тихо и рассудительно, – вы объясните Шуре, что вам надо срочно уехать в командировку и с ней поживет ваша подруга. Зовут ее...

– Не трудитесь! – перебила его Юля. – Не надо мне представлять вашу сотрудницу, не надо больше вообще ничего объяснять. Я никуда завтра не поеду, и вы не имеете права меня заставлять. Да в конце концов, почему именно я? Допустим, у вас есть больной, которому требуется помощь хирурга-пластика. Но неужели в вашем ведомстве нет своих специалистов?

– Представьте, нет, – развел руками Райский, – внутри нашей структуры, конечно, существует сеть медицинских учреждений и там есть практически все специалисты. Но вот хирурга-пластика в данный момент не оказалось. А его помощь необходима. И очень срочно. Почему именно вы? Во-первых, вы великолепный хирург. А во-вторых, вы оказались в нужном месте в нужное время. Это судьба, Юлия Николаевна. Поймите наконец, вы нужны нам, но и мы вам тоже нужны.

– Зачем?

– За тем, что вам один раз уже угрожали, и это только начало.

Глава девятая

– Ну что вы, Станислав Владимирович, я не могла ошибиться, я отлично знаю ваш голос. – Девушка испуганно, часто моргала и старалась не смотреть на Стаса. – Вы сказали, что у вас украли бумажник. Вы попросили заблокировать вашу карточку, очень срочно. Я сделала так, как вы попросили.

– Послушайте, как вас там? – Стас поморщился, пытается прочитать имя на карточке, пришпиленной к лацкану ее красного пиджачка.

– Наталья, – поспешно подсказала она и поправила волосы.

– Послушайте, Наталья, в третий раз повторяю. Я не звонил в банк. Бумажник у меня, никто его не крал.

– Но как же, Станислав Владимирович, вы назвали номер банковского счета, домашний адрес, все, что необходимо для идентификации клиента.

– А пароль?! – заорал он так, что все в зале повернули головы. – Пароль я назвал?

– Нет, – растерянно моргнула девушка, – но почти никто из клиентов пароля не помнит. Вы дали всю необходимую информацию, кроме пароля. Я, конечно, попросила вас назвать, так положено...

– И что?!

– Вы извинились и сказали, что забыли пароль.

– Я его не забыл. Я отлично помню пароль, потому что это всего лишь мое имя. Вам понятно?

На крик явился менеджер, и Стасу пришлось объяснять все с самого начала. Менеджер почтительно проводил его в кабинет к начальнику службы безопасности, где ждал его сюрприз, скорее неприятный в данной ситуации. В кабинете, отвернувшись к окну, стоял его отец, Владимир Марленович Герасимов.

– Здравствуй, папа, – произнес Стас с дурацкой улыбкой.

Генерал ничего не ответил, не соизволил даже повернуться. Начальник охраны, бывший комитетчик, попытался сгладить неловкость, шагнул к Стасу, крепко пожал ему руку и с искренней улыбкой сказал, что ужасно рад видеть его в добром здравии.

– Садитесь, пожалуйста, Станислав Владимирович. Вот мы тут с Владимиром Марленовичем как раз говорили о том, что не бывает безвыходных ситуаций. Сейчас нам принесут кофе и мы спокойно все обсудим.

– Да, конечно, – кивнул Стас и покосился на отца. Тот продолжал стоять, как каменное изваяние, уставившись в окно, хотя ничего интересного, кроме глухой стены соседнего дома, видно не было.

– Сначала вы, Станислав Владимирович, спокойно и подробно изложите нам все последние события, а затем мы вместе будем думать.

Начальника службы безопасности звали Егор Иванович

Плешаков. Вопреки фамилии он был буйно и красиво волосат, заботливо холил свою роскошную гриву, черную, с проседью, кроме того, носил опрятные усы, которые сейчас напоминали Стасу блестящую толстую пиявку. Подчиненные между собой называли Плешакова Плешь. Он знал и не обижался. Однажды даже объяснил на планерке, что это погоняло вполне соответствует старому доброму блатному принципу. Урки всегда старались подбирать друг для друга контрастные клички. Толстяка величали Скелетом, лысого Кудрявым.

Стас попытался прочитать на приветливом лице Плеши хоть какую-то информацию, например, была ли здесь милиция, обсуждалось ли уже убийство шофера Гоши, но, разумеется, на лбу отставного майора ФСБ ничего написано не было. Черные блестящие глаза смотрели на Стаса чрезвычайно внимательно. Он отвел взгляд и уставился на свой замшевый ботинок.

– Я не знаю, с чего начать, – произнес он, хрипло откашлявшись, – папа, сядь, пожалуйста. Мне очень тяжело говорить, когда я вижу только твою спину.

Генерал резко развернулся и уставился на Стаса совершенно безумным взглядом.

– Ты, сучонок, соображаешь, что творишь?! – крикнул он, ничуть не стесняясь Плеши. – У матери приступ астмы, у меня сердце, язва, а ты не удосужился даже позвонить! Ты знаешь, что Гошку убили?

– Папа, сядь, успокойся, – прошептал Стас, чувствуя, как его начинает колотить дрожь, – я ничего не понимаю, когда ты так кричишь.

– Убили Гошу, шофера твоего, в твоей машине. Застрелили в упор, в лоб, пока он ждал тебя, поганца, у ресторана. – Владимир Марленович, пыхтя, рухнул в кресло и спросил уже более спокойно: – Где ты провел ночь?

– У подруги, – Стас судорожно сглотнул, – я ночевал у своей давней подруги. Ты ее не знаешь. Вечером из ресторана мы поехали к ней на такси.

– Одну минуточку, Станислав Владимирович. – Плешь поднял руку, сверкнув бриллиантовым перстнем на мизинце. – Вы уже знали об убийстве вашего шофера Георгия Завьялова? Или только сейчас об этом услышали?

– Я... Нет... Погодите, я не понял, что случилось с Гошей?

– Вашего шофера сегодня рано утром обнаружили мертвым в машине, на углу Васильевской улицы, – медленно отчеканил Плешь, продолжая сверлить Стаса глазами, – по предварительному заключению экспертов, он был убит около восьми часов вечера. Судя по всему, вы ужинали в ресторане «Якорь» и шофер ждал вас. Почему вы отправились на такси?

– Гоша ждал меня? – Стас часто заморгал. – Я ведь его отпустил. Или нет? Черт, совершенно не помню. Разве он меня ждал? Ну да, наверное... Честно говоря, я здорово напился

вчера, все вылетело из головы. Мне почему-то казалось, что я его отпустил. Мы вышли на Тверскую и поймали машину.

– Простите, Станислав Владимирович, но насколько мне известно, вы почти не пьете, и у следствия будет возможность узнать, что и в каком количестве вы пили за ужином, в какую сторону направились, когда вышли из ресторана, – лукаво улыбнулся Плешь.

– Ну ничего себе! Вы хотите сказать, что это я убил Гошку? – Стас нервно засмеялся, смех перешел в икоту, из глаз потекли слезы.

Плешь не спеша открыл маленький бар, достал бутылку минеральной воды, налил в стакан и поднес Стасу. Тот жадно выпил, но икота не прекратилась. Он икал, смеялся и плакал. Это было похоже на истерику. Генерал подошел к нему и с размаху шлепнул по щеке. Стас благодарно кивнул и успокоился.

– Вы меня простите, Станислав Владимирович, но все эти вопросы вам будет задавать следователь, – мягко произнес Плешь, – не хотелось бы, чтобы вас застали врасплох.

– Ты был в другом банке? – тихо спросил генерал, не глядя на сына.

– Да, конечно. Я сначала заехал туда. Там то же самое. Кто-то позвонил, назвался моим именем, сообщил о краже бумажника и попросил заблокировать карточку.

– Все это очень странно, – задумчиво пробормотал Плешь, – просто очень странно. Откуда посторонний мог

узнать номера ваших банковских счетов? Это, между прочим, сложнее, чем просто убить. Значительно сложнее. Что же у нас получается? Сначала пытаются взорвать вашу машину, а потом блокируют карточки и убивают шофера. Зачем? Или убийство Георгия с этим вообще не связано?

– У Георгия Завьялова богатая биография, он мог иметь массу собственных проблем, – заметил генерал, – пять лет назад я забрал его к себе из МВД. Там ему ничего не светило. Хорошего парня, коренного москвича, отправили в Архангельскую область, в ИТК усиленного режима. А какие перспективы у офицера охраны? Либо самому стать зверем, либо дать сожрать себя другим зверям. – Глаза генерала вдруг заволокло тоскливой дымкой, он по-хозяйски подошел к бару, достал бутылку «Наполеона», поставил на стол. – Давайте, что ли, помянем Гошу.

Плешь кивнул, разлил коньяк по рюмкам. Они с генералом выпили, Стас только пригубил.

– Пусть земля ему будет пухом, – сказал Плешь, затем откашлялся в кулак и добавил уже другим тоном: – Значит, вы, Владимир Марленович, не исключаете, что это могло быть просто совпадением?

– Гоша там, в ИТК, сожрать себя не дал, – пробормотал генерал, морщась от коньяка, – возможно, какая-нибудь зверюга здесь до него добралась. Он ведь их люто ненавидел, уголовничков, даже взыскания имел за превышение служебных полномочий.

– Кто? Гоша?! – вскрикнул Стас, опомнившись.

– Да, – кивнул Плешь, – это здесь, в Москве, он был добродушный, спокойный, а там часто срывался. Могли ему отомстить, могли запросто. Ваш отец его из такого дерьма вытащил, что лучше не вспоминать.

– Не надо, – кивнул генерал, – о покойном или ничего, или хорошо. Впрочем, неизвестно, грех ли это. В ИТК под Архангельском среди осужденных ангелов не было. Я, если хочешь знать, приставил его к тебе потому, что он за своего мог глотку перегрызть. Я таким верю. Вот и получилось, что он как будто заслонил тебя собой. Его убили, а ты жив.

Стас низко опустил голову и сжал ладонями виски. Генерал посмотрел на сына с тоской и жалостью. Явилась секретарша с подносом, но никто не стал пить кофе. Стас пожаловался на головную боль и попросил, чтобы его доставили домой. Генерал остался в банке.

– Может, ты лучше поедешь к нам? – спросил он сына на прощание. – Пора тебе мать навестить, и вообще у нас было бы безопасней.

– В любом случае я должен заехать к себе, – мучительно поморщился Стас, как будто от головной боли ему тяжело было говорить, – сто лет не был дома, надо переодеться, белье поменять, и вообще. А к вам я приеду вечером. – Он чмокнул отца в рыхлую колючую щеку.

В бронированном «Ауди», принадлежащем службе безопасности банка, он раскинулся на мягком сиденье и закрыл

глаза.

* * *

Сергей палил по мишени второй час подряд. Он проснулся в шесть утра и отправился в тир, чтобы пострелять до завтрака в полном одиночестве. Он был в наушниках и не слышал, как к нему подошел кто-то. Просто вдруг почувствовал, что не один в тире, обернулся, снял наушники.

За спиной у него стоял доктор Аванесов и улыбался:

– Здравствуй, дорогой. Отлично стреляешь. Ну давай рассказывай, как дела?

– Спасибо, все нормально, – улыбнулся в ответ Сергей.

– Вижу, вижу, какой ты молодец. Поправился, окреп. Знаю, что бегаешь уже, и аппетит хороший. Кстати, ты завтракал?

– Нет еще.

– Совсем ничего не ел с утра?

– Ничего. Вот как раз собираюсь. Вы мне компанию не составите, Гамлет Рубенович?

– Обязательно, дорогой, – энергично кивнул доктор, – и позавтракаем, и поужинаем. Но только не сейчас. Позже.

– Гамлет Рубенович, что-то случилось? – небрежно спросил Сергей, пытаясь заглянуть в круглые вишнево-черные глаза доктора.

– Что случилось? Абсолютно ничего! Почему должно слу-

читься? Очень ты мнительный человек, Сережа. Мы сейчас с тобой на осмотр пойдем, пора рентген сделать и еще кое-какие процедуры, может, не совсем приятные, но куда денешься? – Доктор отвел взгляд, бодренько усмехнулся, взял у Сергея пистолет, ласково похлопал по плечу и слегка подтолкнул к выходу.

В госпитальном корпусе были все такие же пустые коридоры и такая же мертвая тишина, которую нарушал только стук их шагов по кафельной плитке. Резиновые подошвы докторских ботинок влажно поскрипывали. Они поднялись на второй этаж, вошли в просторный кабинет. В центре его стояла высокая кровать сложной конструкции. Вдоль стен стеклянные шкафы, какие-то приборы с компьютерными мониторами, дальше, у широкого окна, письменный стол. На нем сидела, болтая ногами, медсестра Катя.

– О, привет, давно не виделись! – сказала она, спрыгивая на пол. – Ты отлично выглядишь.

– Спасибо, ты тоже отлично, – кивнул Сергей.

– Сядь, дорогой, отдохни, – предложил Аванесов, – я сейчас вернусь.

Сергей опустил на клеенчатую банкетку. Катя опять вскочила на стол, достала из кармана халата пакетик с разноцветными леденцами, развернула, кинула в рот конфету.

– Тебе не предлагаю, потому что нельзя, – заявила и скорчила комически-серьезную гримаску.

– Что, осмотр будет под наркозом? – поинтересовался

Сергей с дурацкой улыбкой.

– М-м, – Катя помотала головой и прикрыла глаза, – точно не знаю, но, кажется, тебе собираются штыри удалять, – прошептала она так тихо, что он с трудом расслышал.

– Какие штыри?

– Ну какие?! Которые в ногах!

– Зачем?

– Так положено. Кости срастаются, штыри больше не нужны. Нет, сначала, конечно, рентген и все такое.

– Опять резать? – поморщился Сергей.

– Да не волнуйся ты, операция пустяковая, там только небольшое отверстие делается под коленной чашечкой и штырь аккуратненько удаляют. Совершенно не больно. Через пару дней опять бегать будешь.

Послышались голоса, и в кабинете появился Аванесов. Он был в халате, шапочке и маске. Вместе с ним вошла высокая тонкая женщина, тоже в полном медицинском обмундировании, и кроме того, на лбу у нее было круглое зеркальце с дыркой посередине, какие используют ларингологи.

– Познакомься, Сережа, это Юлия Николаевна, она очень опытный врач, приехала из Москвы, чтобы тебя посмотреть, – представил ее Аванесов.

Сергей увидел только карие глаза, большие, спокойные, ясные, обрамленные подкрашенными длинными ресницами.

– Здравствуйте, – она улыбнулась под маской, подошла и легко прикоснулась пальцами к подбородку Сергея, – пожа-

луйста, повернитесь.

В лицо ударил ослепительный свет лампы, Сергей болезненно зажмурился.

– Можете закрыть глаза, – разрешила Юлия Николаевна, – и пожалуйте, расслабьтесь. – У нее был довольно низкий, глубокий голос. Пахло от нее легкими дорогими духами. Тонкие холодные пальцы щекотно скользили по лицу Сергея.

– Вы ларинголог? – спросил он.

– Да, да, она ларинголог, кандидат наук, – поспешно ответил за женщину Аванесов, – поскольку кроме всех прочих радостей ты перенес ОРЗ, то надо проверить гайморовы пазухи, чтобы ты был у нас как огурчик.

Женщина промолчала, но Сергей почувствовал, что пальцы ее напряглись.

– Ты думаешь, наверное, что насморк – это ерунда какая-то, – подала голос Катя, – но если хочешь знать, там, в носу, все бывает очень серьезно.

– У меня нет никакого насморка, – раздраженно заметил Сергей.

– Нет, так будет, – ухмыльнулся Аванесов, – видишь ли, пока ты у нас тут лежал, мы тебя всего насквозь проверили, в том числе и снимочек черепа сделали. На всякий случай. Так вот, дорогой, у тебя недостаточное дренирование лобной пазухи, обусловленное гипертрофией средней раковины и искривлением носовой перегородки. А это, Сережа, спо-

собствует переходу острого фронтита в хроническую форму. – Доктор принужденно откашлялся, после чего повисла тишина.

Сергей видел перед собой, совсем близко, большие карие глаза необычной, очень красивой формы. Наружные уголки были слегка опущены вниз и оттенены длинными ресницами.

– Гамлет Рубенович, можно вас на минуту? – Голос женщины прозвучал вполне спокойно, но немного глухо.

– Да, конечно, Юлия Николаевна, конечно, дорогая. – Аванесов галантно подхватил ее под руку.

Дверь за ними закрылась, но Сергей успел услышать, как женщина громко, возмущенно произнесла:

– Что за балаган? Вы же врач!

– Тише, тише, дорогая, – проурчал в ответ голос Аванесова.

И действительно, стало тихо. Гамлет Рубенович увел ее подальше от двери.

– Катя, что происходит? – спросил Сергей.

– Слушай, отстань, пожалуйста, – прошептала она в ответ и отвернулась. Он успел заметить, что лицо ее пылает.

Аванесов вернулся один, очень быстро. От искусственной бодрости не осталось и следа. Он спустил маску на подбородок, был хмур и красен, как вареная свекла.

– Раздевайся! – рявкнул он Сергею. – Давай на койку, быстро!

– Гамлет Рубенович, – зло улыбнулся Сергей, – вы можете объяснить наконец, в чем дело?

– Не могу! – заорал Аванесов. – Не имею права! Я военный человек, черт бы нас всех подрал! Я врач, но военный, понимаешь? У меня приказ! И у тебя тоже!

– Интересно, какой же приказ у меня? Кто мне его отдал? – прищурился Сергей.

– Вопросов не задавать! Вот какой у тебя приказ! А отдала тебе его сама жизнь, понял? Чеченская война тебе его отдала! Все, снимай штаны, буду ноги твои смотреть!

– А эта женщина с зеркальцем тоже военный врач? – спросил Сергей, вставая.

– Юлия? Нет. Она нет.

– И не ларинголог?

Аванесов застыл. Глаза его налились кровью, ободок шапочки потемнел от пота. Он открыл рот, чтобы крикнуть, но не крикнул, произнес хрипло, еле слышно:

– Не мучай меня, Сережа, клянусь, ничего плохого с тобой здесь делать не собираются. Ты мне веришь?

– А вы самому себе верите?

– Не смей так со мной разговаривать! Мальчишка! Я тебе ноги сделал? Ну, отвечай!

– Сделали, – кивнул Сергей, – огромное вам спасибо.

– Это плохо? Я плохое тебе сделал, да?

Больше Сергей не сказал ни слова. Разделся до трусов, улегся на койку. Аванесов, продолжая возмущенно сопеть,

сначала стал тыкать стетоскопом ему в грудь, слушал сердце, потом принялся за ноги, щупал их, мял, просил согнуть и разогнуть колени, пошевелить пальцами. Сергей искоса наблюдал за его лицом. Постепенно от мрачности не осталось и следа, под пышными, с проседью, усами подрагивала довольная улыбка. Доктору Аванесову, конечно, было приятно видеть блестящие результаты своей работы.

– Я закончил. Все отлично. Давай, Катюша. Ты готова?

– Да, Гамлет Рубенович.

Катя подошла со шприцем в руках, стрельнула вверх тонкой струйкой прозрачной жидкости, выпуская пузырьки воздуха.

– Что это? – спросил Сергей, не ожидая услышать ответа, однако услышал:

– Триомбрас. Специальный контрастный препарат для рентгена. – Прохладная ватка со спиртом тронула локтевой сгиб, затем игла плавно, не больно вошла в вену. Катя была мастерица делать уколы.

– Голова может немного закружиться, но это скоро пройдет, – услышал Сергей ее ангельский голос.

– Все, поехали, – уже издалека долетел до него мягкий баритон другого ангела, гениального хирурга Гамлета Рубеновича Аванесова.

Последнее, что он увидел, были огненные длинные тире, которые плыли над ним, словно где-то поблизости, в негустой, просвеченной скудным ноябрьским солнцем «зелен-

ке», притаился сумасшедший снайпер и бесшумно палил в одну точку.

Глава десятая

Оказавшись дома, Стас Герасимов первым делом разделся догола прямо в коридоре, босиком прошлепал в ванную, встал под душ и долго, тщательно мылся, докрасна растирал кожу жесткой щеткой, пропитанной ароматным гелем, стоял, подставив лицо под горячие упругие струи. Потом, распаренный, розовый, аккуратно побрился и даже стал напевать при этом песню «Гуд бай, Америка!».

В квартире было тихо и чисто, однако его не покидало чувство, будто кто-то наблюдает за ним, и именно для этих невидимых глаз он устраивал маленький концерт под скромным названием «Мне все по фигу».

Зазвонил телефон, но он не стал брать трубку, продолжал напевать, бережно протер свежевыбритые щеки лосьоном. Руки у него при этом слегка дрожали. В голове упорно звучали слова начальника службы безопасности отцовского банка: «Сначала пытаются взорвать вашу машину, потом блокируют карточки и убивают шофера. Зачем?»

– За тем, дурак, что теперь меня раздумали убивать, – произнес Стас громким шепотом и улыбнулся своему отражению в зеркале.

Пока он брился и протирал кожу, он как будто не замечал своего лица, поскольку внимательно следил, как скользит по коже тупое рыльце электробритвы, как исчезает неопрятная

темная щетина, и волновался, не будет ли раздражения. А сейчас, когда процедура была закончена, он отступил от зеркала на шаг и увидел себя с такой радостью, словно в толпе чужих неприятных лиц заметил кого-то горячо любимого.

Стасу нравилось собственное лицо всегда, даже в сложном переходном возрасте. В любом настроении, при любых обстоятельствах он глядел в зеркало с огромным удовольствием. Мужественные, правильные черты, возможно, несколько стандартные, но разве это плохо? Высокий ровный лоб, прямые широкие брови, довольно низко расположенные, так, что взгляд получался всегда чуть исподлобья.

В ванной над зеркалом были ярчайшие, беспощадные лампы, и, вглядываясь в свои усталые серые глаза, он постепенно стал чувствовать резь, потом слезная радуга заволочла все вокруг, и в дрожащем разноцветном тумане ему вдруг почудилось, что кто-то стоит у него за спиной. Он резко обернулся. Разумеется, никого не оказалось, но образ остался плавать в сознании так отчетливо, что нельзя было не поверить.

Из ванной он отправился в спальню, открыл огромный шкаф, принялся задумчиво перебирать дорогие рубашки, пиджаки, брюки. Выбрал самый любимый свой костюм, серо-синий, цвета предгрозового неба, к нему идеально подходила бледно-голубая рубашка и темно-синий галстук со строгим рисунком. Стас быстро оделся, закрыл шкаф, оглядел себя в огромном зеркале, провел по волосам ладонью,

смоченной легким гелем, и вдруг страшно, хрипло вскрикнул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.